

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

ВЗГЛЯД ЗЕНОНА

Эдуард Сероусов

Взгляд Зенона

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Взгляд Зенона / Э. Сероусов — «Автор», 2026

Семь лет назад орбитальная станция «Лагранж-4» замерла в пустоте. Сто семнадцать человек застыли, покрытые серебристым инеем, — среди них жена физика Андрея Соколова. С тех пор Тихие зоны распространились по всему миру. Двадцать три области, где время остановилось. Тысячи людей, застывших навечно. Андрей посвятил жизнь разгадке феномена — и нашёл ответ, который страшнее вопроса. Существует Наблюдатель — нечто, чей взгляд останавливает время. Но что это: эволюционный фильтр, коллекционер красоты или тюремщик симуляции? Три гипотезы. Три протокола спасения. Сорок дней до конца. И выбор, который невозможно сделать правильно. Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Эдуард Сероусов

Взгляд Зенона

Часть

I

: Идеальная линия

Глава 1: Шум, которого нет

День 1

Кофе остыл сорок три минуты назад.

Андрей знал это с точностью до секунды – не потому, что смотрел на часы, а потому что именно тогда система завершила очередной цикл калибровки и выдала первый блок данных. Он потянулся к чашке, сделал глоток, поморщился от горечи и забыл о ней снова. Так происходило каждое утро последние семь лет: кофе, данные, холодный кофе, новые данные. Ритуал, вытеснивший всё остальное.

Лаборатория квантовых стандартов времени занимала подвальный этаж корпуса «В» – бетонная коробка, изолированная от вибраций тройным демпфирующим контуром и от электромагнитных помех – фарадеевской клеткой, встроенной в сами стены. Здесь не работали мобильные телефоны. Здесь не было окон. Здесь время существовало в чистом виде – не как абстракция календарей, а как частота перехода между уровнями сверхтонкой структуры иона иттербия-171: 642 121 496 772 645,16 герца. Плюс-минус погрешность, которую Андрей потратил последние пятнадцать лет своей жизни на уменьшение.

Шестнадцать мониторов выстроились полукругом на его рабочем месте, каждый отображал свой срез реальности: спектры поглощения, графики стабильности, температурные карты вакуумных камер, логи управляющих алгоритмов. Андрей скользил взглядом от экрана к экрану с той автоматической точностью, которая приходит только после тысяч повторений. Его глаза – серо-голубые, с сеткой красных капилляров от хронического недосыпа – выхватывали паттерны прежде, чем сознание успевало их осмыслить.

Шум. Всегда шум.

Квантовые системы не могут не шуметь. Это фундаментальное свойство материи на этом уровне: неопределённость, флуктуации, статистический хаос, из которого рождается порядок классического мира. Андрей знал этот шум как собственное дыхание – его амплитуду, его текстуру, едва заметные периодические биения, связанные с приливными силами Луны (да, даже они влияли на часы, если измерять достаточно точно). Он мог бы описать характер этого шума с закрытыми глазами, мог бы нарисовать его кривую по памяти.

Именно поэтому то, что он увидел на экране номер семь, заставило его замереть.

Чашка с холодным кофе так и осталась на весу, в трёх сантиметрах от губ.

На графике, отображавшем дробный шум часов за последние двадцать шесть часов, была прямая линия.

Не «почти прямая». Не «статистически приближающаяся к прямой». Идеальная. Математически совершенная горизонтальная линия без единого отклонения в пределах разрешающей способности системы – то есть в пределах десяти в минус восемнадцатой степени.

– Системный сбой, – произнёс Андрей вслух, и его собственный голос показался ему чужим в тишине лаборатории. Голос человека, который слишком долго разговаривает только с приборами.

Он отставил чашку – промазал, край стукнулся о подставку, кофе плеснул на стол, но Андрей не заметил – и придвинулся к клавиатуре. Пальцы – длинные, с вьёвшимися в кожу следами паяльной канифоли – забегали по клавишам.

Диагностика датчика: норма.

Диагностика АЦП: норма.

Диагностика оптической накачки: норма.

Проверка целостности данных: ни одного потерянного пакета.

Журнал ошибок: пуст.

Андрей откинулся на спинку кресла, потёр переносицу. За семнадцать лет работы с квантовыми часами он видел сотни артефактов в данных: скачки от проезжающих грузовиков, прозрачные пики от далёких гроз, медленные дрейфы от сезонных изменений в земной коре. Но он никогда – никогда – не видел идеальной прямой.

Потому что идеальных прямых не существует.

Квантовая механика – это статистика. Это вероятности. Это неустранимая, фундаментальная неопределённость, зашитая в ткань реальности на самом базовом уровне. Даже если охладить систему до микрокельвина, даже если экранировать её от всех мыслимых воздействий, даже если – чисто гипотетически – создать идеальную изоляцию от остальной вселенной, квантовый шум останется. Потому что это не помеха, не дефект измерения. Это свойство самого измеряемого.

Если только...

Он оборвал мысль, не дав ей сформироваться.

– Повтор измерения, – сказал он вслух, обращаясь к пустой лаборатории. – Методологическая ошибка в первичной обработке. Кто-то из ночной смены изменил параметры фильтрации.

Ночной смены не было уже четыре года – с тех пор как финансирование урезали вдвое, а половину сотрудников перевели на «приоритетные направления». Но Андрей всё равно произнёс это вслух, потому что альтернатива была слишком... слишком большой, чтобы думать о ней до завтрака.

Он встал, чувствуя, как затекли ноги – сколько он просидел неподвижно? – и подошёл к главной вакуумной камере. Цилиндр из нержавеющей стали высотой в человеческий рост, опутанный шлангами охладительной системы и жгутами оптоволокна. Внутри, в ловушке из лазерных лучей и электрических полей, парило облако из семидесяти одного иона иттербия – атомных маятников, отсчитывающих время с точностью, которая двадцать лет назад казалась теоретическим пределом.

Через смотровое окошко, покрытое антибликовым напылением, нельзя было увидеть ничего – ионы слишком малы, а свет лазеров накачки отфильтрован. Но Андрей всё равно смотрел. Смотрел, как смотрят на лицо спящего ребёнка: не потому что есть что видеть, а потому что само присутствие успокаивает.

«Ты разговариваешь с железкой, – сказала бы Марина. – Ты понимаешь, что это нездорово?»

Андрей моргнул, отгоняя мысль. Его правая рука автоматически потянулась к обручальному кольцу на левой, провернула его на четверть оборота. Металл был тёплым от постоянного прикосновения.

Нет. Сначала – данные.

Он вернулся к терминалу и запустил независимую верификацию. Резервная система хранения, независимый канал сбора, альтернативный алгоритм обработки. Если это программный сбой, верификация покажет расхождение. Если аппаратный – верификация покажет... что-то. Хоть что-то.

Пока алгоритм работал, Андрей поймал себя на том, что барабанит пальцами по столешнице. Раньше он не замечал за собой этой привычки. Раньше у него вообще не было нервных привычек – Марина шутила, что он слишком занят уравнениями, чтобы тратить когнитивные ресурсы на подобную ерунду.

Марина.

Он повернул кольцо ещё на четверть оборота.

За матовым стеклом двери лаборатории мелькнула тень. Андрей проигнорировал её – коллеги давно научились не заходить без крайней необходимости – но тень не исчезла. Замерла. Потом стекло дрогнуло от осторожного стука.

– Да, – сказал Андрей, не отрываясь от экрана.

Дверь приоткрылась. В щель просунулась голова Димы Воронова – его бывшего аспиранта, теперь младшего научного сотрудника, которого Андрей упорно продолжал считать «мальчиком», хотя тому давно перевалило за тридцать.

– Андрей Викторович, – Дима замялся на пороге, как будто невидимая линия отделяла его от лаборатории. – Я... мы... совещание через пятнадцать минут. Ежеквартальный отчёт.

– Я помню.

– Вы придёте?

Андрей наконец оторвал взгляд от монитора и посмотрел на Диму. Тот выглядел так, как всегда выглядели люди, общаясь с Андреем: слегка напряжённо, с той особой осторожностью, которую обычно приберегают для непредсказуемых начальников или психически нестабильных родственников. Андрей знал, что не является ни тем, ни другим, но давно перестал обращать внимание.

– Пятнадцать минут, – повторил он. – Да. Буду.

Дима кивнул, но не ушёл. Его взгляд метнулся к чашке с расплесканным кофе, потом к экранам – слишком быстро, чтобы что-то разглядеть, но достаточно, чтобы Андрей это заметил.

– Что-то ещё?

– Нет. То есть... – Дима сглотнул. – Кофе принести? Свежий?

– Не нужно.

– Хорошо. Хорошо.

Пауза. Дима топтался на месте, и Андрей вдруг понял, что тот хочет сказать что-то ещё, но не решается. Это случалось часто – люди вокруг него постоянно хотели сказать что-то, но не решались. Обычно это «что-то» касалось темы, которую Андрей не обсуждал.

– Через пятнадцать минут, – повторил он, давая Диме разрешение уйти.

Дверь закрылась.

Верификация завершилась.

Андрей уставился на результат. Потом медленно, очень медленно, выпрямился в кресле.

Полное совпадение.

Независимая система, независимый канал, независимый алгоритм – и та же идеальная прямая. Ни единого отклонения. Двадцать шесть часов абсолютной, невозможной стабильности.

В кармане завибрировал телефон – напоминание о совещании. Андрей машинально потянулся к нему, разблокировал экран и тут же забыл, зачем он это сделал. Его мозг обрабатывал данные быстрее, чем он успевал формулировать мысли.

Если это не сбой. Если данные реальны. Если квантовый шум действительно исчез на двадцать шесть часов...

Это невозможно.

Но «невозможно» – слово, которое физики используют всё реже, с тех пор как двадцать три области планеты замерли в вечности.

Андрей отключил телефон и снова повернулся к экранам.

Совещание подождёт.

Совещание, разумеется, не ждало.

Когда Андрей вошёл в конференц-зал – на двадцать семь минут позже назначенного времени – одиннадцать пар глаз уставились на него с той смесью облегчения и раздражения, которая знакома каждому, кто хоть раз ждал опаздывающего руководителя.

– Простите, – сказал он, не имея ни малейшего намерения объяснять причину задержки. – Продолжайте.

Он занял своё место – во главе овального стола, как того требовала должность – и раскрыл ноутбук. Марина однажды сказала, что он прячется за экраном, как другие мужчины прячутся за газетой. Тогда он обиделся. Теперь это была просто констатация факта.

Ирина Сергеевна Крылова – заместитель по административным вопросам, которую Андрей мысленно называл «та, кто делает всё, что я не хочу делать» – откашлялась и продолжила прерванную презентацию. Слайды мелькали на экране проектора: финансовые показатели, графики публикационной активности, сравнительные метрики с европейскими и азиатскими конкурентами. Андрей смотрел и не видел.

Идеальная прямая.

– ...как вы понимаете, бюджет следующего квартала зависит от того, сможем ли мы продемонстрировать практические результаты, – говорила Ирина Сергеевна. – Министерство ясно дало понять, что фундаментальные исследования не являются приоритетом в текущей... ситуации.

«Текущая ситуация» – ещё один эвфемизм, которых развелось слишком много. Как «инцидент Лагранж-4». Как «зоны особого режима». Как «временно недееспособные».

Андрей листал почту в телефоне – дурная привычка, но она позволяла избегать разговоров, – когда его взгляд зацепился за открытую вкладку с графиком. Прямая линия. Он свернул вкладку, потом развернул снова. Прямая никуда не делась.

– ...Андрей Викторович?

Он поднял голову. Ирина Сергеевна смотрела на него с выражением терпеливого учителя, привыкшего к тому, что лучший ученик регулярно витает в облаках.

– Простите, что?

– Я спросила, есть ли у вашей группы результаты, которые можно было бы представить комиссии. Что-нибудь... осязаемое.

Осязаемое. Двадцать шесть часов без квантового шума. Как это объяснить людям, которые измеряют науку публикациями и патентами?

– Мы работаем над повышением стабильности часов, – сказал Андрей. – Если текущие показатели подтвердятся, это будет... значительный прогресс.

– Насколько значительный?

Андрей помолчал, подбирая слова. Его мозг – та часть, которая постоянно строила модели, просчитывала вероятности, искала паттерны – уже выстроил несколько объяснений увиденному. Ни одно из них не было хорошей новостью.

– Позвольте уточнить после дополнительных проверок, – сказал он наконец. – Я не хотел бы делать преждевременных заявлений.

На другом конце стола Дима Воронов что-то записывал в блокнот, старательно не поднимая глаз. Рядом с ним сидела Анна Павловна – пожилая женщина, инженер по вакуумным системам, работавшая в институте с незапамятных времён. Она смотрела на Андрея с тем выражением, которое появлялось у неё всякий раз, когда разговор подходил слишком близко к определённым темам.

Андрей знал это выражение. Оно означало: «Я помню твою жену, я видела, как вы приходили вместе на новогодние корпоративы, и мне неловко».

– Хорошо, – сказала Ирина Сергеевна, делая пометку в своём планшете. – Тогда переходим к следующему пункту. Грант Европейского совета...

Андрей снова уткнулся в телефон.

Прямая линия.

Он знал три возможных объяснения. Точнее, три класса объяснений – внутри каждого класса было ещё множество вариантов, но на данном этапе детали не имели значения.

Первое: систематическая ошибка. Что-то в цепи сбора данных начало работать неправильно – идеально неправильно – и вместо реального сигнала система записывала константу. Маловероятно, но проверяемо. Нужно параллельное измерение независимым прибором.

Второе: внешнее воздействие. Какой-то неизвестный физический эффект подавил квантовые флуктуации в ионах иттербия. Очень маловероятно, потому что для этого потребовалась бы энергия, которую система зарегистрировала бы другими датчиками. Но тоже проверяемо – нужен детальный анализ всех побочных каналов.

Третье...

Андрей провернул кольцо на пальце.

Третье объяснение касалось Тихих зон. Касалось гипотез о природе Наблюдателя, которые он и десятки других физиков по всему миру пытались проверить последние семь лет. Касалось возможности, что квантовый эффект Зенона – подавление эволюции системы при частом наблюдении – может проявляться не только в микроскопических масштабах.

Если это третье... если прямая линия означала то, что могла означать...

– ...связаться с группой Чена в Женеве, – голос Ирины Сергеевны прорвался сквозь его мысли. – Андрей Викторович, вы согласны?

– Что? Да. Да, конечно.

Он понятия не имел, с чем только что согласился.

Совещание тянулось ещё сорок минут. Андрей просидел их, глядя на экран ноутбука и время от времени кивая в нужных местах. Его тело присутствовало в комнате, его разум – нет.

Когда наконец объявили перерыв, Андрей первым выскользнул в коридор. Он прошёл мимо автомата с кофе (чашка в лаборатории так и стояла остывшая, он не собирался покупать ещё одну), мимо стенда с фотографиями сотрудников (свою он попросил убрать три года назад), мимо двери административного отдела (за которой, он знал, сейчас обсуждают его странное поведение).

У лифта его нагнал Дима.

– Андрей Викторович...

– Да?

– Я... – Дима снова замялся. Привычка, от которой Андрей давно устал, но не мог его отучить. – Результаты, о которых вы говорили. Это... правда что-то серьёзное?

Андрей посмотрел на своего бывшего аспиранта. Дима был хорошим учёным – методичным, аккуратным, способным увидеть проблему раньше, чем она становилась катастрофой. Он заслуживал честного ответа.

– Пока не знаю, – сказал Андрей. – Это может быть ошибка измерения. А может быть... – он замолчал.

– Может быть что?

Лифт приехал. Двери разъехались с мягким шипением.

– Спустись в лабораторию через час, – сказал Андрей, входя в кабину. – Я покажу.

Двери закрылись прежде, чем Дима успел ответить.

Час растянулся в три.

Андрей проверил систему девятью независимыми способами. Он заменил оптоволоконные кабели, перезагрузил управляющие алгоритмы, перекалибровал лазеры накачки, проверил вакуум в камере (норма: 10^{-11} торр, идеально). Он даже – и это было жестом отчаяния – позвонил коллеге в Париж и попросил прогнать тот же алгоритм обработки на их данных.

– Андрэ, ты в порядке? – спросил Жан-Пьер осторожным тоном, который Андрей слышал слишком часто за последние годы.

– Да. Просто проверяю кое-что.

– Хорошо. Данные пришлю через... тридцать минут. У нас как раз закончился цикл измерений.

Через тридцать минут Андрей смотрел на график парижской группы. Нормальный квантовый шум. Амплитуда в пределах стандартных отклонений, текстура типичная, никаких аномалий.

Значит, не глобальный эффект.

Значит, что-то происходит именно здесь. В этой лаборатории. С этими часами.

Или – и эту мысль Андрей гнал прочь, как назойливую муху – с этим наблюдателем. С человеком, который смотрит на данные.

Дверь открылась. Дима вошёл, остановился у порога, быстро оценивая обстановку: десятки вкладок на мониторах, пустые стаканчики из-под кофе (когда он успел их взять?), рассыпанные по столу распечатки графиков.

– Андрей Викторович...

– Смотри.

Андрей развернул один из мониторов. Прямая линия светилась на тёмном фоне – такая идеальная, что казалась нарисованной.

– Это за последние... сколько? Тридцать часов? – Дима подошёл ближе, нахмурился. – Почему нет флуктуаций?

– Потому что их нет.

– Но это... невозможно.

– Я проверил девятью способами. Данные реальны.

Дима молчал. Андрей видел, как в его голове проносятся те же мысли, что мучили его самого последние несколько часов. Первое объяснение – сбой. Второе – внешнее воздействие. Третье...

– Эффект Зенона? – спросил Дима наконец, понизив голос, как будто боялся, что его услышат.

– Возможно.

– Но макроскопический эффект Зенона требует... – Дима запнулся. – Для подавления флуктуаций в ионной ловушке нужна частота измерений порядка... я даже не знаю. Терагерцы? Петагерцы?

– Наши часы работают на частоте 642 терагерца, – напомнил Андрей. – Но это не частота измерений. Это частота перехода. Измерения мы делаем раз в секунду.

– Тогда кто измеряет чаще?

Вопрос повис в воздухе. Андрей не ответил. Он смотрел на прямую линию и думал о другой прямой – о той, которую образовывали 23 Тихие зоны на карте мира, если соединить их особым образом, если учесть хронологию появления, если принять определённые допущения о природе наблюдения.

Станислав Лем писал об океане Соляриса – сущности, которую невозможно понять, потому что само понимание требует категорий, к ней неприменимых. Андрей всегда считал это литературной условностью, красивой метафорой непознаваемости. Теперь он смотрел на идеальную прямую и думал: что, если метафора – это мы? Что, если мы – неспособные понять – и есть та ограниченность, о которой писал Лем?

– Нужно повторить измерение с другими ионами, – сказал он вслух. – Запусти резервную ловушку. Посмотрим, повторится ли эффект.

Дима кивнул и направился к консоли управления. Его шаги казались слишком громкими в тишине лаборатории.

Андрей остался один со своими мыслями.

Одна из них – та, которую он отгонял весь день – наконец прорвалась на поверхность: если это действительно макроскопический эффект Зенона... если что-то – или кто-то – наблю-

дает за этой лабораторией с частотой, достаточной для подавления квантовых флуктуаций... то это означает, что взгляд Наблюдателя сместился.

Раньше он смотрел на станцию «Лагранж-4». На Женеву. На Патагонию. На Сингапур. Теперь он смотрит сюда.

Сюда, где Андрей Соколов семь лет пытается понять, что случилось с его женой.

Резервная ловушка показала тот же результат.

Андрей смотрел на второй график – идентичный первому, идеальная прямая без единого отклонения – и чувствовал, как что-то сдвигается внутри него. Не страх. Не волнение. Что-то более древнее, более глубокое. Ощущение, которое испытывали, наверное, первые люди, глядя на солнечное затмение: мир работает не так, как мы думали.

Дима стоял рядом, бледный, с бегающими глазами.

– Это не сбой, – сказал он. Не вопрос – констатация.

– Нет.

– Тогда что это?

Андрей не ответил. Вместо этого он потянулся к клавиатуре и открыл базу данных – ту, доступ к которой имели только сотрудники с допуском к материалам о Тихих зонах. Официальное название базы было длинным и бюрократическим. Неофициально её называли «Архив Зенона».

– Сравни с этим, – сказал он, выводя на соседний монитор другой график.

Это были данные с метеорологической станции на «Лагранж-4» – последние измерения перед инцидентом. Андрей знал этот график наизусть, он изучал его сотни раз за последние семь лет, искал закономерности, аномалии, хоть что-то.

Последний час перед заморозкой.

Дима посмотрел на экран, потом на график их часов, потом снова на экран.

– Они... похожи?

– Не просто похожи.

Андрей наложил один график на другой. Прямые линии совпали идеально. Не «почти идеально». Не «в пределах погрешности». Математически тождественно, с точностью до двенадцатого знака после запятой.

– Это та же сигнатура, – сказал Андрей. – То же самое воздействие.

– Но это значит...

– Это значит, что либо я совершаю ошибку, которую не вижу, либо механизм, создавший Тихие зоны, сейчас действует здесь.

Дима отступил на шаг, как будто расстояние могло защитить его от смысла этих слов.

– Нужно эвакуировать здание. Нужно предупредить...

– Погоди.

Андрей поднял руку. Его голос звучал спокойнее, чем он себя чувствовал – годы практики, годы сдерживания эмоций ради данных, ради объективности, ради того, что Марина называла «твоей проклятой рациональностью».

– Смотри на временную шкалу, – сказал он. – На «Лагранж-4» эффект нарастал. За шесть часов до инцидента – лёгкие отклонения от нормы. За три часа – явная аномалия. За час – полное подавление шума. У нас... – он указал на график, – стабильное подавление уже тридцать пять часов. Без нарастания. Без изменений.

– И что это значит?

– Понятия не имею, – признал Андрей. – Может, это другой тип воздействия. Может, мы в «сумеречной зоне» – на периферии эффекта. Может, – и эту мысль он произнёс очень осторожно, – кто-то нас изучает, прежде чем... действовать.

Тишина. В ней было слышно гудение вакуумных насосов, едва заметный шелест системы охлаждения, собственное дыхание – слишком громкое, слишком частое.

– Я никому не скажу, – сказал Дима наконец. – Пока вы не попросите.

– Нет. – Андрей покачал головой. – Нужно сообщить координаторам. Если эффект реален, другие группы должны проверить свои системы. Если это локальная аномалия – тем более важно понять, почему именно здесь.

– А если... – Дима не закончил вопрос.

– Если это действительно прелюдия к новой зоне? – Андрей посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Странно. Он думал, что должны. – Тогда у нас, вероятно, есть несколько часов. Или дней. Или... – он пожал плечами, – или этого времени нет вообще, и мы уже застыли, не заметив.

– Вы... очень спокойны.

Андрей не ответил на это. Вместо этого он повернулся к терминалу и начал составлять отчёт. Пальцы двигались автоматически – заголовок, дата, классификация, краткое изложение результатов, приложения с данными. Он делал это тысячи раз.

Но одна мысль не давала покоя. Мысль, которую он не собирался включать в отчёт, не собирался произносить вслух, даже не собирался формулировать до конца.

Если взгляд Наблюдателя сместился сюда – в лабораторию, где Андрей Соколов изучает феномен Тихих зон – это может быть случайностью.

Или это может означать, что Наблюдатель знает.

Знает, что Андрей ищет. Знает, что Андрей нашёл. Знает, что Андрей семь лет пытается понять, как вернуть жену.

И может быть – может быть – это ответ.

Или предупреждение.

Или приглашение.

Андрей закончил отчёт, поставил электронную подпись, отправил на сервер координационного центра. Потом откинулся на спинку кресла и позволил себе три секунды неподвижности.

Три секунды – достаточно, чтобы услышать собственное сердце.

Три секунды – недостаточно, чтобы принять решение.

– Иди домой, – сказал он Диме, не поворачиваясь. – Завтра будет длинный день.

– А вы?

– У меня ещё есть работа.

Он услышал, как открылась и закрылась дверь. Шаги в коридоре, постепенно стихающие. Потом – тишина.

Андрей посмотрел на часы. Девять вечера. За окном – которого не было, потому что лаборатория в подвале – уже стемнело. Город жил своей обычной жизнью: машины, люди, огни. Никто не знал, что здесь, в бетонной коробке под землёй, квантовый шум исчез без объяснений.

Никто, кроме Андрея.

И, возможно, того, кто смотрит.

Поезд домой был полупустым.

Андрей сидел у окна, глядя на мелькающие огни пригорода. Отражение в стекле – худое лицо, седые виски, тёмные круги под глазами – казалось отражением незнакомца. Человека, которого он не узнавал и не особенно хотел узнавать.

Он думал о Марине.

Это случалось нечасто – или, точнее, он нечасто позволял себе осознавать, что думает о ней. За семь лет он выработал механизм: мысли о жене автоматически конвертировались в мысли о физике, о данных, о работе. Боль превращалась в уравнения. Тоска – в эксперименты. Это была не столько защита, сколько способ функционировать.

Но сегодня механизм давал сбои.

Прямая линия на графике – та же сигнатура, что предшествовала заморозке «Лагранж-4» – была слишком конкретной. Слишком связанной с тем, о чём он не позволял себе думать.

Марина тянется к чашке кофе. Улыбается чему-то за окном – Земля как ёлочный шар, она любила этот вид. Её волосы – тёмные, с первыми нитками седины, которую она отказывалась окрашивать – падают на лицо. Она убирает прядь за ухо, привычным жестом, который Андрей видел тысячи раз.

И замирает.

Серебристый иней покрывает её кожу – не сразу, а постепенно, как изморозь на стекле зимним утром. Улыбка застывает. Глаза – карие, с золотистыми искрами в радужке – перестают двигаться. Рука замирает на полпути к чашке.

Вечность в одном мгновении.

Андрей моргнул, отгоняя образ. Поезд замедлялся – его станция.

Он вышел на платформу, постоял несколько секунд, глубоко дыша холодным вечерним воздухом. Февраль заканчивался, но зима не сдавалась – снег лежал грязными кучами вдоль дорожек, ветер пробирал до костей.

Дорога от станции до дома занимала двенадцать минут. Андрей знал это точно – он засекал время каждый день, не потому что это было важно, а потому что измерение успокаивало. Мир, в котором можно что-то измерить, – предсказуемый мир. Контролируемый. Безопасный.

Дом – трёхкомнатная квартира в блочной пятиэтажке – выглядел так же, как семь лет назад. Андрей не менял ничего после отъезда Марины на станцию. Её книги стояли на полках. Её фотоаппарат лежал на подоконнике. Её тапочки – синие, с облезлыми кроликами на носках – стояли у двери.

Он открыл замок, вошёл в тёмную прихожую, не включая света. Повесил куртку, разулся, прошёл на кухню. Холодильник был почти пуст – нужно было сходить в магазин, но это требовало энергии, которой не было.

Андрей достал из морозилки пачкупельменей, поставил воду кипятиться. Механические действия, не требующие мысли.

Пока вода нагревалась, он стоял у окна и смотрел на город. Огни многоэтажек. Красные точки антенн на крышах. Далёкое мигание самолёта.

Где-то там, за атмосферой, за орбитой Луны, в точке Лагранжа, где гравитация Земли и Солнца уравновешиваются, висела станция с 117 замороженными людьми. С Мариной.

Андрей знал координаты наизусть. Он мог бы навести на эту точку телескоп и увидеть... что? Блестящую точку, неотличимую от звезды. Физически – ничего особенного. Психологически – всё.

Вода закипела. Он бросил пельмени, посмотрел, как они кружатся в бурлящем водовороте. Странная мысль: квантовый шум – это как кипение воды. Хаотичный, но предсказуемый в статистическом смысле. А прямая линия – это как если бы вода вдруг застыла, не меняя температуры. Физически невозможно.

Но Тихие зоны тоже физически невозможны. Были – пока не появились.

Он поужинал, не чувствуя вкуса. Помыл посуду. Прошёл в гостиную, сел на диван, который они выбирали вместе с Мариной двенадцать лет назад, в мебельном центре на окраине города. Она настояла на синем цвете, хотя он хотел серый. «Серый – это не цвет, – сказала она тогда, – это отсутствие выбора».

На журнальном столике лежала книга – «Солярис» Лема, русское издание с потёртой обложкой. Марина читала её перед отлётом. Закладка осталась на том месте, где она остановилась.

Андрей не трогал книгу семь лет.

Он не трогал вообще ничего из её вещей. Не потому что боялся – боль он давно научился игнорировать. Просто... не было причины. Вещи лежали на своих местах, как будто она вот-вот вернётся.

Как будто она не застыла в 340 000 километрах от Земли, тянясь к чашке кофе.

Андрей закрыл глаза.

Сегодняшний день крутился в голове фрагментами: прямая линия на графике, совпадение с данными «Лагранж-4», отчёт, отправленный координаторам. Завтра начнётся суэта – проверки, совещания, возможно визит из центра. Ему придётся объяснять, отвечать на вопросы, участвовать в бюрократических ритуалах.

Но сейчас – сейчас он был один. И в этом одиночестве мысли, которые он весь день держал на расстоянии, подступили ближе.

Что, если это не случайность?

Что, если взгляд Наблюдателя – чем бы или кем бы он ни был – сместился сюда именно потому, что здесь работает Андрей Соколов?

Что, если это... приглашение?

Бредовая мысль. Ненаучная. Антропоцентрическая в худшем смысле слова – вселенная не вращается вокруг одного физика средних лет с семилетней травмой.

И всё же.

Три гипотезы о природе Наблюдателя, которые циркулировали в научном сообществе, предполагали разные мотивации: оптимизация, эстетика, экономия ресурсов. Ни одна из них не включала «ответ на вопросы скорбящего мужа». Но ни одна из них и не объясняла, почему эффект проявился именно сейчас, именно здесь, именно в его лаборатории.

Совпадение – сказал бы скептик.

Но Андрей был физиком. Он знал, что совпадения – это паттерны, которые мы ещё не поняли.

Он встал, прошёл в спальню – их спальню, хотя он не спал здесь уже годы, предпочитая диван или кресло в лаборатории. Открыл шкаф. Её одежда висела слева, его – справа, как будто ничего не изменилось.

На верхней полке, за стопкой свитеров, лежала коробка. Андрей знал, что там: фотографии, письма, мелочи, которые копятся за годы брака. Он не открывал её с тех пор, как...

Он потянулся к коробке, потом остановился.

Вместо этого его рука нашла другое – конверт, заклеенный и спрятанный глубже. Он сам положил его туда семь лет назад, после того как просмотрел первые данные с «Лагранж-4», после того как понял, что случилось.

Внутри конверта была фотография.

Марина на фоне лабораторного оборудования, в белом халате, с фломастером в руке – она что-то писала на доске, обернулась на окрик фотографа, и камера поймала момент между удивлением и улыбкой. Волосы растрёпаны. Глаза смеются.

Андрей держал конверт в руке, не открывая.

Он мог бы. Он делал это раньше – в первые месяцы, когда боль была невыносимой, когда единственным способом заснуть было смотреть на её лицо, пока глаза не начинали слипаться. Потом он перестал. Не потому что боль ушла, а потому что научился обходить её, как обходят болезненный сустав.

Сегодня – после прямой линии, после совпадения с данными «Лагранж-4», после всех мыслей, которые он не мог отогнать – ему хотелось посмотреть на неё. Хотя бы на фотографию.

Но он знал, что если откроет конверт, если увидит её лицо – то, что она ещё живая, ещё настоящая, ещё его Марина – что-то сломается. Та стена из уравнений, которую он строил семь лет, даст трещину. И он не знал, сможет ли продолжать работу, если это случится.

А работа – это всё, что у него осталось.

Андрей положил конверт обратно. Закрыв шкаф.

Вернулся в гостиную, сел на диван, уставился в потолок.

Завтра будет длинный день.

Сон не приходил.

Андрей лежал на диване – тело требовало отдыха, но мозг отказывался останавливаться. Мысли крутились по одним и тем же траекториям, как частицы в ускорителе: прямая линия, сигнатура «Лагранж-4», три гипотезы, Марина.

В три часа ночи он сдался, встал, включил компьютер. Если не можешь заснуть – работай. Простое правило, которое помогало.

Удалённый доступ к системам лаборатории был защищён несколькими уровнями шифрования – данные о Тихих зонах считались стратегически важными, и за утечку полагалась уголовная ответственность. Андрей ввёл пароли, прошёл биометрическую верификацию, открыл терминал.

Данные обновились.

Тридцать восемь часов. Прямая линия. Без единого отклонения.

Он начал листать логи, искать хоть какую-то зацепку. Температура в лаборатории: стабильна. Давление: норма. Внешние помехи: не зафиксированы. Всё работало идеально – слишком идеально.

В четыре часа он нашёл кое-что странное.

Не в данных часов – с ними было всё то же самое, прямая как линейка. Станным был лог системы безопасности. Вчера, в 14:27 – как раз когда он обнаружил аномалию – датчик движения в коридоре у лаборатории зафиксировал активность. Но камера в этом же коридоре не записала ничего.

Сбой синхронизации? Возможно. Или...

Андрей открыл архив камер, отмотал на нужное время. Коридор пуст. Датчик – сработал. Изображение – ничего.

Он просмотрел запись пять раз. На шестой заметил.

Тень.

Едва заметная, на периферии кадра. Она появилась на долю секунды – 0.3 кадра при 30 fps, меньше, чем нужно для осознанного восприятия. Но Андрей смотрел покадрово, и он увидел.

Силуэт. Человеческий? Сложно сказать. Контур размытые, как будто изображение расфокусировано именно в этой области, хотя всё остальное было чётким.

Андрей остановил видео, увеличил. Пиксели расплылись, не давая деталей. Он применил алгоритм коррекции, потом другой, потом третий.

Ничего. Тень оставалась тенью – присутствие без формы, знак без значения.

Он откинулся на спинку кресла и уставился в монитор.

Что это было?

Первое объяснение: артефакт сжатия видео. Алгоритмы кодирования иногда создают странные визуальные эффекты, особенно при низком освещении.

Второе: кто-то действительно был в коридоре, но по какой-то причине камера не смогла его записать нормально.

Третье...

Андрей вспомнил отчёты из Патагонии. Местные жители – те, кто был рядом с зоной в момент её появления и успел уйти – рассказывали о тенях. Силуэтах на периферии зрения, которые исчезали, стоило повернуть голову. Официальная наука списывала это на стресс, галлюцинации, посттравматическое расстройство.

Но официальная наука семь лет не могла объяснить сами зоны. Так что её мнение о галлюцинациях стоило немного.

Андрей сохранил фрагмент видео, добавил в личный архив – тот, который не отправлял координаторам, потому что некоторые вещи лучше проверить самому, прежде чем поднимать шум.

За окном начинало светать. Серое февральское утро просачивалось сквозь шторы.

Новый день.

Андрей выключил компьютер, пошёл в ванную. Душ, бритвё, попытка выглядеть человеком, который нормально спал. Попытка провалилась – тёмные круги под глазами никуда не делись – но он и не ожидал успеха.

Он открыл шкаф, чтобы достать рубашку. Его взгляд снова упал на верхнюю полку. На конверт.

«Не сегодня», – сказал он себе.

Он произносил это каждый день последние семь лет.

Дорога в институт заняла обычное время – сорок семь минут от двери до двери. Андрей ехал в переполненном вагоне метро, потом в полупустой электричке, потом шёл по заснеженной аллее от станции до главного корпуса. Всё как обычно. Всё как каждый день.

Но что-то изменилось.

Он заметил это не сразу – только когда вошёл в здание и столкнулся с охранником, который обычно просто кивал на проходе. Сегодня охранник смотрел на него по-другому. Внимательнее. С чем-то, похожим на любопытство.

В коридоре у лаборатории стояли двое людей в костюмах – не учёные, сразу видно. Бюрократы или, хуже того, люди из ведомств. Они замолчали, когда Андрей подошёл.

– Соколов? – спросил один из них, хотя наверняка знал ответ.

– Да.

– Нас прислали из координационного центра. Ваш отчёт... вызвал интерес.

Андрей кивнул. Он ожидал чего-то подобного, хотя не так быстро.

– Лаборатория открыта. Можете посмотреть сами.

Следующие несколько часов превратились в допрос, замаскированный под научную дискуссию. Люди в костюмах оказались не бюрократами – один был физиком из закрытого института в Сарове, другой – специалистом по информационной безопасности. Они задавали правильные вопросы, понимали терминологию, не делали глупых предположений.

И всё равно Андрей чувствовал себя подозреваемым.

– Вы уверены, что данные реальны? – спросил физик из Сарова. Его звали Игорь, и он смотрел на графики с тем выражением, которое Андрей видел в зеркале вчера.

– Я проверил девятью независимыми способами. Данные реальны.

– Совпадение с сигнатурой «Лагранж-4»...

– Не совпадение. Идентичность.

Пауза. Игорь переглянулся со своим коллегой.

– Вы понимаете, что это означает? – спросил он наконец.

Андрей понимал. Но ему интересно было услышать, как это сформулирует кто-то другой.

– Механизм, создающий Тихие зоны, активен здесь. Сейчас.

– Да.

– И вы не эвакуировали лабораторию?

– Данные не показывают нарастания эффекта, как на «Лагранж-4». Стабильное подавление уже... – он посмотрел на часы, – сорок один час. Если бы зона должна была появиться, она бы уже появилась.

– Или появится через минуту.

– Или через минуту, – согласился Андрей. – Но тогда эвакуация не поможет. Зона Сингапура возникла за 0.7 секунды. Человек не успеет даже повернуть голову.

Специалист по безопасности что-то записывал в планшет. Андрей не видел, что именно, но догадывался – отчёт о «психологическом состоянии субъекта». Его реакции наверняка казались им странными. Слишком спокойными для человека, который, возможно, сидит в эпицентре катастрофы.

Но они не знали того, что знал он.

Они не провели семь лет, готовясь к этому моменту. Семь лет, изучая каждую крупницу данных о зонах, строя модели, отбрасывая гипотезы, приближаясь – медленно, мучительно – к пониманию. Семь лет, в течение которых страх постепенно вытеснился чем-то другим.

Не принятием. Скорее – готовностью.

Если Наблюдатель смотрит на него – значит, есть шанс, что Андрей, наконец, получит ответы.

Даже если цена – заморозка.

– Мы установим дополнительное оборудование, – сказал Игорь. – Датчики по всему периметру. Круглосуточное наблюдение.

– Хорошо.

– И вам придётся оставаться здесь. Под присмотром.

Андрей чуть не улыбнулся. «Под присмотром» – как будто он собирался куда-то убежать. Как будто у него была другая жизнь за пределами этой лаборатории.

– Я и так здесь провожу большую часть времени.

Остаток дня прошёл в суете: установка оборудования, калибровка новых датчиков, бесконечные звонки из координационного центра. Андрей отвечал на вопросы, давал пояснения, повторял одно и то же разным людям. Рутинная, знакомая до тошноты.

К вечеру – когда люди в костюмах наконец уехали, а Дима и остальные сотрудники разошлись по домам – он остался один.

Один с квантовыми часами. Один с прямой линией на экране. Один с мыслями, которые было некому рассказать.

Андрей сидел в полутёмной лаборатории, глядя на мониторы. Тишина звенела в ушах – та особенная тишина подземных помещений, где нет окон и почти нет звуков снаружи.

Он думал о Марине.

О том, как она выглядела в последнее утро перед отлётом. Сонная, взъерошенная, в его старой футболке, которую украла много лет назад и отказывалась возвращать. Она стояла у окна, глядя на предрассветное небо, и что-то тихо напевала – он не помнил мелодию, только ощущение.

– Я скоро вернусь, – сказала она тогда.

– Знаю.

– Ты меня встретишь?

– Конечно.

Она улыбнулась – той улыбкой, от которой у него всегда что-то сжималось в груди. Потом обняла его, коротко, крепко, как будто хотела запомнить ощущение.

– Не забывай есть, – сказала она. – И спать. И иногда выходить из лаборатории.

– Не буду.

Она рассмеялась, потому что оба знали – он обязательно забудет.

Это было семь лет назад.

С тех пор он не встретил её.

Андрей моргнул, возвращаясь в настоящее. Мониторы мерцали привычным светом. Прямая линия – всё та же, неизменная.

Он встал, прошёл к вакуумной камере, положил ладонь на холодную сталь. Внутри – семьдесят один ион, отсчитывающий время с невозможной точностью. Снаружи – человек, у которого время остановилось семь лет назад.

– Я найду способ, – сказал он тихо, обращаясь не к ионам, не к камере, не к пустой лаборатории. – Я найду способ вернуть тебя.

Тишина была ему ответом.

Но тишина квантовых часов – когда-то наполненная шумом, теперь идеально прямая – была другим ответом. Или вопросом. Или приглашением.

Андрей не знал, чем именно.

Но впервые за семь лет он чувствовал что-то кроме пустоты.

Он ушёл из лаборатории за полночь.

Дорога домой слилась в одно размытое пятно: пустые вагоны, мигающие фонари, снег под ногами. Андрей шёл на автопилоте, тело двигалось само, мозг перерабатывал события дня.

Квартира встретила его темнотой и тишиной. Он не включал свет – хватало уличных фонарей, просвечивающих сквозь шторы. Прощёл в спальню. Остановился у шкафа.

Конверт.

Сегодня – после прямой линии, после людей из координационного центра, после слов, сказанных пустой лаборатории – он чувствовал себя по-другому. Не лучше. Не хуже. Просто – по-другому.

Как будто что-то сдвинулось.

Андрей открыл шкаф, достал конверт. Взвесил в руке – невесомый, как всё важное.

Он мог бы открыть его. Посмотреть на фотографию. Вспомнить её лицо – живое, настоящее, не застывшее в серебристом инее на расстоянии 340 000 километров.

Он мог бы.

Но вместо этого он положил конверт обратно. Закрыв шкаф. Вышел из спальни.

Не сегодня.

Завтра будет ещё один день. Ещё одна попытка понять. Ещё один шаг к ответу – или к тому, что сойдёт за ответ в мире, где вопросы важнее.

Андрей лёг на диван, закрыл глаза.

Перед внутренним взором – прямая линия. Идеальная. Невозможная.

Где-то там, за атмосферой, Марина тянется к чашке кофе.

Вечно.

Пока.

Голосовое сообщение Марины (архив, 7 лет назад):

«Тут красиво. Земля как ёлочный шар. Ты бы это любил – чистые линии орбиты. Математика в движении. Знаешь, я думала, буду скучать по запахам – по траве после дождя, по кофе, по тебе. А скучаю по звукам. По тишине, которая не давит. Здесь тишина другая, Андрей. Она... ждёт чего-то. Или кого-то.

Ладно, это я просто не выпалась. Красин опять гонял нас допоздна со своими калибровками. Не понимаю, что он ищет. Не понимаю, зачем столько секретности.

Но это неважно. Важно – я люблю тебя. И скоро вернусь.

Не забудь поесть.»

Глава 2: Три доски

Дни 2-4

Лиза Чен прилетела из Женевы ночным рейсом и появилась в институте в семь утра – на два часа раньше, чем ожидал Андрей.

Он узнал о её прибытии от охранника на входе, который позвонил в лабораторию с вопросом: «Тут женщина. Говорит, что физик. Говорит, что вы её ждёте. Говорит, что если я не пропущу её в ближайшие тридцать секунд, она найдёт другой способ войти». Охранник звучал так, будто вполне верил в эту угрозу.

Андрей поднялся из лаборатории на первый этаж – лифт, коридор, турникет – и увидел её у стойки охраны: маленькая, резкая, с коротко стриженными чёрными волосами и рюкзаком за плечами, который выглядел так, будто его таскали по трём континентам и ни разу не чистили. На ней была кожаная куртка поверх мятой футболки, джинсы с протёртыми коленями и кроссовки, явно не предназначенные для февральской слякоти.

– Соколов, – сказала она вместо приветствия. – Ваш отчёт – это или величайшее открытие века, или грандиозная системная ошибка. Я прилетела проверить, какой вариант.

– Рад познакомиться лично, – ответил Андрей. Они переписывались годами, обменивались данными, ссылались друг на друга в статьях, но никогда не встречались. – Как долетели?

– Отвратительно. Турбулентность, орущий ребёнок, сосед, который храпел как промышленный вентилятор. – Она прошла мимо него к турникету. – Где ваша лаборатория?

Андрей провёл её через систему безопасности – биометрия, пропуска, ещё одна проверка у двери в подвальный этаж. Лиза молчала, но её глаза фиксировали всё: камеры, датчики движения, толщину стен.

– Серьёзная защита, – сказала она наконец.

– После инцидента на «Лагранж-4» все объекты, связанные с исследованием зон, получили повышенный статус.

– Я в курсе. В Женеве то же самое. Только у нас ещё добавили вооружённую охрану после того случая с активистами.

– Какого случая?

– Группа из «Свободного хода» попыталась взорвать вход в туннель коллайдера. Решили, что если уничтожить место, где возникла вторая зона, остальные тоже исчезнут. – Лиза скривилась. – Идиоты. Как будто пространство-время работает по принципу «удали источник – удалишь последствия».

Они вошли в лабораторию. Лиза остановилась на пороге, окидывая взглядом оборудование: вакуумные камеры, оптические столы, стойки с электроникой, полукруг мониторов.

– Впечатляет, – сказала она без особого выражения. – Покажите данные.

Андрей подвёл её к главному терминалу. Прямая линия светилась на экране – теперь уже пятьдесят три часа непрерывной стабильности.

Лиза смотрела молча. Потом наклонилась ближе, прищурилась.

– Масштаб по вертикали?

– Десять в минус восемнадцатой.

– Фильтрация?

– Никакой. Сырые данные.

– Независимая верификация?

– Резервная ловушка, альтернативный алгоритм, сравнение с парижской группой. Всё подтверждает.

Лиза выпрямилась. На мгновение её лицо стало странно неподвижным – не бесстрастным, а именно неподвижным, как будто она сознательно контролировала каждую мышцу.

- Значит, не ошибка, – сказала она тихо.
- Нет.
- Значит, он здесь.
- Андрей не спросил, кого она имеет в виду. Оба знали.
- Возможно.
- Лиза резко отвернулась от экрана.
- Мне нужен кофе. И доска. Желательно – три.

К полудню лаборатория преобразилась.

Три маркерные доски, реквизированные из конференц-зала, стояли в ряд у дальней стены. На каждой – заголовок, написанный размашистым почерком Лизы: «САДОВНИК», «ХУДОЖНИК», «ТЮРЕМЩИК».

Под заголовками – уравнения, схемы, стрелки, вопросительные знаки. Работа ещё не была закончена, но структура уже проступала.

Андрей стоял у первой доски, маркер в руке, и объяснял – больше для себя, чем для Лизы, которая всё это знала не хуже него:

– Гипотеза «Садовник» основана на теории квантового дарвинизма Журека. Классические состояния возникают потому, что они оставляют избыточные отпечатки в окружающей среде – множественные копии информации о себе. Состояния с высоким коэффициентом репликации выживают; остальные подавляются.

Он написал формулу:

$$\Gamma_{\text{survival}} \propto R(\psi) \times S(\psi)$$

– R – redundancy, избыточность. S – stability, устойчивость. Если Наблюдатель – это механизм, усиливающий естественный отбор состояний, то зоны возникают там, где системы не оставляют достаточно «свидетелей» своего существования.

– Изолированные системы, – подхватила Лиза. – Квантовые эксперименты в экранированных камерах. Станции в космосе. Подземные лаборатории.

– Именно. Предсказание: зоны должны коррелировать с низким R . И они коррелируют – частично. Но есть исключения.

– Патагония, – сказала Лиза.

– Патагония. Горная деревня, двести три человека, включая детей. Никаких квантовых экспериментов. Никакой особой изоляции. Просто... люди. Жили своей жизнью.

– И замёрзли.

Андрей кивнул. Каждый раз, когда он думал о Патагонии, что-то сжималось в груди. Женева и «Лагранж-4» – это учёные, которые знали риски, работали с неизведанным. Но дети, играющие во дворе...

Он перешёл ко второй доске.

– Гипотеза «Художник». Теория интегрированной информации Тонони. Сознание равно Φ – количеству интегрированной информации в системе. Чем выше Φ , тем система «более сознательна».

$$P_{\text{freeze}} \propto \Phi_{\text{local}} \times d\Phi/dt$$

– Наблюдатель – сущность с максимально возможным Φ . Он замечает области с высоким локальным Φ в момент пиковых переживаний. Фиксация – не наказание, а... сохранение.

Лиза фыркнула.

– Коллекционер. Собирает красивые моменты, как бабочек в альбом.

– Если хотите. Предсказание: замороженные должны находиться в состоянии эмоционального пика. Смех, озарение, любовь, страх – любая интенсивная эмоция.

– Корреляция?

– Семьдесят три процента, по данным Эстрады. Нейровизуализация замороженных – там, где её удалось провести – показывает паттерны, соответствующие пиковым переживаниям.

– Семьдесят три – не сто.

– Нет. Не сто.

Третья доска. Андрей помедлил перед ней.

– Гипотеза «Тюремщик». Симуляция.

$C_{required}(region) > C_{allocated} \rightarrow FREEZE$

– Реальность – вычислительный процесс с ограниченным бюджетом. Области, требующие слишком много ресурсов, переводятся в статическое хранение. Заморозка – не акт воли, а оптимизация.

– Мы – слишком дорогие процессы, – процитировала Лиза.

– Предсказание: зоны возникают вокруг вычислительно сложных систем. Квантовые компьютеры. Коллайдеры. Распределённые нейросети.

– Сингапур.

– Сингапур. Восемьсот сорок семь человек в квартале с крупнейшим дата-центром Юго-Восточной Азии.

Лиза подошла к доскам, скрестила руки на груди.

– Три гипотезы. Три разных механизма. Три разных Наблюдателя – или три лица одного.

– И каждая объясняет вашу аномалию?

Андрей кивнул.

– Садовник: лаборатория квантовых часов – изолированная система с низким R. Мы минимизируем взаимодействие с окружающей средой, это наша работа. Значит, мы – естественная цель для «прополки».

– Художник: вы семь лет одержимо ищете способ вернуть жену. Эмоциональная интенсивность зашкаливает. Ф вашего сознания в моменты озарений – вероятно, аномально высокий.

Андрей вздрогнул. Он не ожидал, что она скажет это так прямо.

– И Тюремщик?

– Тюремщик: вы проводите вычисления, моделирующие сами Тихие зоны. ARIA обрабатывает терабайты данных ежедневно. Вычислительная сложность региона растёт.

– Другими словами...

– Другими словами, все три гипотезы предсказывают, что именно эта лаборатория – потенциальная цель. – Лиза повернулась к нему. – Вы это понимаете?

– Понимаю.

– И всё равно остаётесь здесь.

– Где мне ещё быть?

Лиза смотрела на него долгим, оценивающим взглядом. Потом еле заметно кивнула – то ли одобрение, то ли просто констатация факта.

– Ладно. Давайте посмотрим, что скажет ваша ARIA.

ARIA – Adaptive Research Intelligence for Anomaly Analysis – занимала серверную в конце коридора: стойки оборудования за стеклянной перегородкой, мигающие индикаторы, постоянный гул системы охлаждения. Интерфейс был минималистичным – текстовый терминал на стене, без голосового управления, без аватаров, без попыток казаться «человечной».

Андрей предпочитал это. Достаточно антропоморфизации в мире, где люди приписывают намерения квантовым флуктуациям.

– ARIA, – сказал он, активируя консоль, – отчёт по аномалии квантовых часов. Последние шестьдесят часов.

Экран мигнул. Текст появился почти мгновенно – ARIA не нуждалась в паузах для «обдумывания», это была чистая обработка данных.

ОТЧЁТ: АНОМАЛИЯ КЧ-2054-001
ПЕРИОД НАБЛЮДЕНИЯ: 60.3 часа
СТАТУС: Продолжается

ПАРАМЕТРЫ АНОМАЛИИ:

- Подавление квантового шума: 100% (в пределах разрешения)
- Стабильность: Идеальная
- Сигнатура: Идентична событию ЛАГРАНЖ-4-2047

АНАЛИЗ ПО ГИПОТЕЗАМ:

ГИПОТЕЗА А (САДОВНИК):

Совместимость: 78%

Объяснение: Лаборатория КЧ характеризуется низким коэффициентом избыточности ($R = 0.003$). Система минимизирует взаимодействие со средой. Соответствует профилю «цели прополки».

Прогноз: Заморозка в течение 72-168 часов.

ГИПОТЕЗА Б (ХУДОЖНИК):

Совместимость: 81%

Объяснение: Субъект СОКОЛОВ А.В. демонстрирует аномально высокие показатели эмоциональной вовлечённости (косвенные данные: паттерны активности, корреляция с ключевыми датами). Локальный Ф потенциально превышает порог внимания.

Прогноз: Заморозка при достижении эмоционального пика.

ГИПОТЕЗА В (ТЮРЕМЩИК):

Совместимость: 84%

Объяснение: Вычислительная нагрузка ARIA достигла 10^{14} операций/сек. Комплекс КЧ + ARIA представляет значительную вычислительную сложность.

Прогноз: Заморозка при превышении порога $C_allocated$.

ПРИМЕЧАНИЕ: Все три гипотезы демонстрируют высокую совместимость с наблюдаемыми данными. Дифференциация невозможна на текущем этапе.

– Восемьдесят четыре процента для «Тюремщика», – сказала Лиза. – Это самый высокий показатель.

– Разница в пределах статистической погрешности, – возразил Андрей. – Все три гипотезы одинаково вероятны.

– Одинаково бесполезны, вы хотите сказать.

Андрей не ответил. Он смотрел на экран, на строчку про «субъекта СОКОЛОВА А.В.» и его «аномально высокие показатели эмоциональной вовлечённости». ARIA анализировала его как объект исследования – паттерны активности, корреляции. Машина знала о нём больше, чем он сам хотел бы признать.

– ARIA, – сказал он, – дополнительный запрос. Существуют ли альтернативные гипотезы, не рассматриваемые в текущей модели?

Пауза – необычно долгая для ARIA, почти полторы секунды.

ЗАПРОС ОБРАБАТЫВАЕТСЯ.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ГИПОТЕЗА Г:

Наблюдатель не существует.

ОБЪЯСНЕНИЕ: Все три основные гипотезы предполагают наличие внешнего агента («Наблюдателя»), осуществляющего измерение/наблюдение. Альтернативная модель: Тихие зоны – самоорганизующийся феномен. Квантовый эффект Зенона возникает спонтанно при достижении критической плотности информации в локальной области пространства-времени. Наблюдатель – эмерджентное свойство самих зон, не предшествующая им сущность.

СОВМЕСТИМОСТЬ С ДАННЫМИ: 67%

ЗАПРОС К ПОЛЬЗОВАТЕЛЮ: Почему гипотеза Г не рассматривается в качестве основной?

Андрей и Лиза переглянулись.

– Она задаёт вопросы, – сказала Лиза медленно.

– Она обучена задавать вопросы. Это часть алгоритма – выявлять пробелы в рассуждениях.

– Это не просто выявление пробела. Это... – Лиза замолчала, подбирая слово. – Это похоже на любопытство.

Андрей вернулся к терминалу.

– ARIA, ответ на запрос. Гипотеза Г не рассматривается как основная по следующим причинам. Первое: самоорганизация такого масштаба требует механизма, который сам по себе нуждается в объяснении – это не устраняет вопрос о Наблюдателе, а переформулирует его. Второе: паттерны возникновения зон демонстрируют признаки целенаправленности, несовместимые с чисто стохастическим процессом. Третье: сигнатура подавления шума идентична во всех случаях, что указывает на единый источник.

Он помедлил, потом добавил:

– Но ты права, что это следует рассматривать. Добавь гипотезу Г в модель. Присвой приоритет анализа – средний.

ПРИНЯТО.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ: Если гипотеза Г верна, понятие «Наблюдатель» является когнитивным артефактом – попыткой человеческого сознания приписать агентность безличному процессу.

ВОПРОС: Как отличить «агентность» от «паттерна, который мы интерпретируем как агентность»?

СТАТУС ВОПРОСА: Открыт.

– Ваша машина философствует, – сказала Лиза с непонятной интонацией – то ли насмешкой, то ли чем-то ещё.

– Она обрабатывает данные о феномене, который ставит под вопрос природу реальности. Некоторая... рефлексия неизбежна.

– Рефлексия. – Лиза покачала головой. – Знаете, мой отец работал с ранними системами ИИ. Ещё до того, как они стали... такими. Он говорил, что главная опасность не в том, что машина станет слишком умной. А в том, что мы начнём относиться к ней как к человеку.

Андрей заметил, как она произнесла «мой отец» – быстро, между делом, как будто это была незначительная деталь.

– Ваш отец – физик?

– Был.

Пауза.

– Женева? – спросил Андрей осторожно.

– Раньше.

Она не уточнила, и он не стал спрашивать. Были вещи, о которых не спрашивают – он знал это лучше большинства.

Доктор Мигель Эстрада прибыл на следующий день.

Он появился без предупреждения – просто возник в дверях лаборатории, высокий мужчина с седеющей бородой, в полевой куртке, какие носят геологи или археологи, и с потёртым кожаным портфелем, набитым бумагами.

– Соколов? – спросил он низким голосом с едва заметным акцентом – испанским, кажется, хотя в нём слышались и другие языки. – Меня прислал координационный центр. Скажи, вам нужны данные с периметров.

– Эстрада? – Андрей встал из-за терминала. – Я читал ваши отчёты. Не ожидал личного визита.

– Я тоже. – Эстрада прошёл в лабораторию, осмотрелся с выражением человека, который видел много странного и давно перестал удивляться. – Но когда услышал о вашей аномалии... Решил, что лучше увидеть своими глазами.

– Вы были у всех двадцати трёх зон, – сказала Лиза, появляясь из-за стойки с оборудованием. – Лично.

– Двадцати двух. До Антарктиды не добрался – слишком сложная логистика. – Эстрада повернулся к ней. – Доктор Чен, полагаю? Ваша работа по квантовым вычислениям... впечатляет.

– Спасибо. – Лиза не улыбнулась. – Что вы видели на периметрах?

Эстрада поставил портфель на стол, расстегнул, начал доставать папки – настоящие бумажные папки, не планшеты.

– Много. Слишком много, чтобы рассказать за один раз. Но если вас интересует главное... – Он разложил фотографии на столе. – Вот.

Андрей наклонился над снимками. Замороженные люди. Он видел подобные изображения сотни раз – в отчётах, в новостях, в собственных кошмарах – но каждый раз что-то ёкало внутри.

– Обратите внимание на лица, – сказал Эстрада.

Андрей смотрел. Женщина средних лет, застывшая посреди шага – глаза широко открыты, губы чуть приоткрыты, выражение... удивлённое? Испуганное? Сложно сказать. Мужчина у витрины магазина – смотрит на что-то за кадром, лицо напряжённое, но не панически. Ребёнок – девочка лет шести – сидит на качелях, голова запрокинута, рот открыт в смехе.

– Семьдесят три процента, – сказал Эстрада. – Это число вы уже слышали. Семьдесят три процента замороженных находились в состоянии повышенной эмоциональной активности в момент фиксации. Но вопрос в том, что это за эмоции.

– Положительные? – предположила Лиза.

– Не обязательно. Интенсивные. – Эстрада указал на фотографию мужчины. – Этот человек, судя по положению тела и контексту – он увидел, как расширяется зона. Он понял, что не успеет убежать. Страх? Безусловно. Но и... принятие? Озарение? Сложно интерпретировать застывшее лицо.

– А остальные двадцать семь процентов?

– Нейтральные состояния. Рутинные действия. Ничего особенного. – Эстрада пожал плечами. – Это главная проблема гипотезы «Художника». Корреляция есть, но не стопроцентная. Либо Наблюдатель не идеален в своём отборе, либо мы неправильно понимаем критерии.

– Либо гипотеза неверна, – добавила Лиза.

– Либо так.

Андрей взял фотографию девочки на качелях. Серебристый иней покрывал её волосы, кожу, одежду – тонкий слой, как первый заморозок на траве. Глаза – открытые, блестящие – смотрели в небо.

– Она смеялась, – сказал он тихо.

– Да. Патагония, деревня Лас-Чинитас. Я был там через неделю после инцидента. – Голос Эстрады стал глуше. – Двенадцать детей. Все – на площадке перед школой. Учительница читала им что-то вслух. Они смеялись.

– И застыли.

– И застыли.

Тишина.

Лиза отвернулась, сделав вид, что изучает что-то на экране. Андрей положил фотографию обратно, аккуратно, как будто неосторожное движение могло причинить боль.

– У вас есть данные об иерархии распространения? – спросил он, переключаясь на профессиональный тон. – Скорость расширения, направленность, связь с локальными параметрами?

– Есть. – Эстрада достал ещё одну папку. – Сводные таблицы по всем зонам. Общий паттерн: начальный радиус от трёх до пятнадцати метров. Расширение – около сантиметра в год, стабильное, независимо от внешних условий. Никакой реакции на температуру, давление, электромагнитные поля.

– Механизм?

– Неизвестен. Мы пытались вводить зонды на периферию – они застывают, как только пересекают границу. Дроны, роботы – всё одинаково.

– А живые существа?

Эстрада помолчал.

– Были случаи, – сказал он наконец. – Добровольцы. Исследователи. Люди, которые решили, что данные важнее... всего остального.

– И?

– Застывают. Мгновенно, насколько мы можем судить. Биометрия обрывается в момент пересечения границы. Никакого переходного периода, никаких промежуточных состояний. Один шаг – и вечность.

Андрей думал о Марине. Один шаг. Она даже не шагала – просто тянулась к чашке кофе. И где-то между движением и целью реальность изменилась.

– Есть ещё кое-что, – сказал Эстрада. – Менее... научное. Но вы должны знать.

– Слушаю.

– Я разговаривал с людьми. С теми, кто был рядом с зонами в момент их возникновения. С родственниками замороженных. С паломниками из Фонда. С активистами из «Свободного хода». – Он провёл рукой по бороде. – Все они – независимо от убеждений – описывают одно и то же ощущение.

– Какое?

– Присутствие. – Эстрада посмотрел на Андрея. – Не физическое. Не визуальное. Просто... ощущение, что кто-то смотрит. Внимание, направленное на тебя из точки, которой не существует.

– Субъективные впечатления, – сказала Лиза скептически.

– Безусловно. Но когда сотни людей в разных странах, с разным образованием, разными культурными контекстами описывают одно и то же... – Эстрада пожал плечами. – Я антрополог по первому образованию. Меня учили относиться к субъективным данным серьёзно.

– Что именно они описывают? – спросил Андрей.

– Холод. Не физический – метафорический. Ощущение, что время замедляется. Что воздух становится... гуще? Плотнее? Сложно подобрать слова. – Эстрада посмотрел на потолок, как будто искал там нужные формулировки. – Один человек в Сингапуре сказал мне: «Я почувствовал, что вселенная посмотрела на меня. Не с интересом. Не с любопытством. Просто – посмотрела. Как смотрят на муравья, прежде чем наступить. Или не наступить. Решение ещё не принято».

– И вы ему поверили?

– Я записал его слова. Верить или не верить – не моя работа.

Андрей подошёл к окну – которого не было, потому что они находились в подвале, но привычка смотреть в окно при размышлениях осталась. Он уставился в стену, как в окно, и думал.

Присутствие. Внимание. Взгляд из точки, которой не существует.

Если это правда – хотя бы отчасти – то что происходило здесь, в его лаборатории, в последние шестьдесят часов? Наблюдатель – чем бы он ни был – повернулся в его сторону. Зафиксировал взгляд. И пока ещё – пока ещё – не сделал следующий шаг.

Почему?

Что он ждёт?

– ARIA, – сказал Андрей, не оборачиваясь. – Добавь в модель субъективные данные Эстрады. Категория – «анекдотические свидетельства». Вес – низкий, но ненулевой.

ПРИНЯТО.

НАБЛЮДЕНИЕ: Описания «присутствия» коррелируют с повышением активности миндалевидного тела (данные фМРТ, исследование Ким и соавт., 2052). Миндалевидное тело отвечает за обнаружение угрозы и социально значимых стимулов.

ВОПРОС: Если субъективное ощущение «наблюдения» имеет нейробиологический субстрат, означает ли это, что Наблюдатель реален – или что человеческий мозг запрограммирован искать наблюдателей там, где их нет?

СТАТУС ВОПРОСА: Открыт.

– Она снова это делает, – заметила Лиза.

– Делает что?

– Задаёт вопросы, на которые нет ответов.

– Может, в этом и есть смысл, – сказал Эстрада задумчиво. – Задавать правильные вопросы важнее, чем находить неправильные ответы.

Вечер принёс новые данные – и новые вопросы.

Лиза сидела за терминалом ARIA, прогоняя симуляции. Эстрада разбирал свои папки, делая пометки на полях. Андрей стоял у трёх досок, глядя на уравнения, которые они написали утром.

Три гипотезы. Три способа объяснить необъяснимое. И каждый – одинаково убедительный, одинаково недоказуемый.

– Проблема фальсифицируемости, – сказал он вслух. – Ни одну из гипотез нельзя опровергнуть. Любые данные можно интерпретировать в пользу любой из них.

– Это не совсем так, – возразила Лиза, не отрываясь от экрана. – Каждая гипотеза делает уникальные предсказания. Садовник: зоны возникают там, где низкий R. Художник: зоны возникают там, где высокий Ф. Тюремщик: зоны возникают там, где высокая вычислительная сложность.

– И все три предсказания выполняются одновременно. В каждом случае.

– Значит, либо одна из гипотез верна, а корреляции с другими – случайность. Либо...

– Лиза замолчала.

– Либо все три гипотезы – проекции одного и того же феномена, – закончил Эстрада. – Слон и слепые мудрецы. Каждый ощупывает свою часть и описывает её по-своему.

– Философия, – сказала Лиза с лёгким презрением.

– Метафизика, – поправил Эстрада. – Но метафизика, которая убивает – или сохраняет – тысячи людей. Не так легко отмахнуться.

Андрей вернулся к экрану. Прямая линия – теперь уже семьдесят два часа. Три полных дня без единого отклонения.

– Есть ещё один вопрос, – сказал он. – Почему именно сейчас?

– Что вы имеете в виду? – спросила Лиза.

– Семь лет. Семь лет я работаю в этой лаборатории, с этими часами, изучая этот феномен.

Почему эффект проявился сейчас? Что изменилось?

Тишина.

– ARIA, – сказал Андрей. – Запрос. Анализ изменений в работе лаборатории за последние тридцать дней. Параметры: оборудование, персонал, алгоритмы, внешние контакты.

ОБРАБОТКА...

ИЗМЕНЕНИЯ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 30 ДНЕЙ:

ОБОРУДОВАНИЕ:

– Замена оптического изолятора (день -22)

– Калибровка лазера накачки (день -15)

– Обновление прошивки АЦП (день -8)

Оценка влияния: Минимальное.

ПЕРСОНАЛ:

– Без изменений.

АЛГОРИТМЫ:

– Обновление модели ARIA v.3.7.2 (день -12)

– Добавление нового датасета: архив станции ЛАГРАНЖ-4, рассекреченные материалы (день -5)

Оценка влияния: Потенциально значительное.

ВНЕШНИЕ КОНТАКТЫ:

– Запрос данных от парижской группы (день -4)

– Публикация промежуточного отчёта в закрытом журнале (день -3)

Оценка влияния: Неопределённое.

ГИПОТЕЗА: Добавление архива ЛАГРАНЖ-4 могло инициировать вычислительный процесс, превысивший критический порог.

Андрей застыл.

– Архив «Лагранж-4», – повторил он медленно. – Рассекреченные материалы. Я загрузил их пять дней назад.

– Какие материалы? – спросила Лиза.

– Личные файлы экипажа. То, что не вошло в официальные отчёты. Координационный центр наконец разрешил доступ – после семи лет запросов.

– И вы отдали их ARIA для анализа?

– Да.

Лиза откинулась на спинку кресла.

– Личные файлы экипажа, – повторила она. – Включая файлы вашей жены?

Андрей не ответил. Ответ был очевиден.

– ARIA, – сказала Лиза, – уточняющий запрос. Какие именно файлы из архива «Лагранж-4» вызвали наибольшую вычислительную нагрузку?

АНАЛИЗ...

ФАЙЛЫ С МАКСИМАЛЬНОЙ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ НАГРУЗКОЙ:

1. СОКОЛОВА_М_В_личные_записи.enc (зашифрованный архив, 2.3 ГБ) – ДЕШИФРОВКА В ПРОЦЕССЕ

2. ПРОТОКОЛЫ_ЭКСПЕРИМЕНТ_СТАБИЛИЗАЦИЯ.enc (зашифрованный архив, 780 МБ) – ДЕШИФРОВКА ЗАВЕРШЕНА 43%

3. КРАСИН_В_Н_исследования.enc (зашифрованный архив, 1.1 ГБ) – ДЕШИФРОВКА В ОЧЕРЕДИ

ПРИМЕЧАНИЕ: Шифрование нестандартное. Требуется дополнительное время.

– Вы пытаетесь расшифровать личные записи своей жены, – сказала Лиза. Не вопрос – констатация.

– Они были зашифрованы до инцидента. Она не успела... – Андрей замолчал, сглотнул. – Я хочу знать, о чём она думала. В последние дни.

Лиза смотрела на него долгим взглядом – и впервые за всё время их знакомства в её глазах мелькнуло что-то, похожее на сочувствие.

– Понимаю, – сказала она тихо.

– Но это не объясняет аномалию, – продолжил Андрей, отворачиваясь. – Дешифровка – обычный вычислительный процесс. Не сложнее миллиона других задач, которые ARIA выполняет ежедневно.

– Если только, – медленно произнёс Эстрада, – дело не в сложности вычислений. А в их... направленности.

– Что вы имеете в виду?

– Вы ищете информацию о «Лагранж-4». О людях, которые застыли. О механизме, который это вызвал. – Эстрада поднялся, подошёл к доске с надписью «ХУДОЖНИК». – Если Наблюдатель – это сущность, которая замечает высокую плотность информации... интегрированного сознания... то что может привлечь его внимание сильнее, чем исследование его самого?

– Вы предполагаете, что Наблюдатель... знает, что мы его изучаем?

– Я предполагаю, что понятие «знать» может быть неприменимо к сущности такого масштаба. Но если он резонирует с определёнными паттернами информации – а ваш поиск создаёт именно такие паттерны... – Эстрада развёл руками. – Возможно, вы не просто изучаете Наблюдателя. Возможно, вы его вызываете.

Тишина.

ARIA мигнула новым сообщением:

НАБЛЮДЕНИЕ: Метафора «вызова» подразумевает интенциональность с обеих сторон – и исследователя, и объекта исследования.

ВОПРОС: Если Наблюдатель реагирует на исследование себя, означает ли это, что он осознаёт своё существование как объекта наблюдения?

ВОПРОС: Если да – кто тогда наблюдает за кем?

СТАТУС ВОПРОСОВ: Открыт.

– Ваша машина, – сказал Эстрада, – начинает меня нервировать.

– Меня тоже, – признал Андрей.

Ночь опустилась на институт незаметно – в подвальной лаборатории, лишённой окон, время существовало только на экранах.

Эстрада уехал в гостиницу, забрав с собой часть своих папок. Лиза заснула на диване в углу – свернулась калачиком, накрывшись своей курткой, и дышала ровно, как человек, привыкший засыпать в любых условиях. Андрей остался один с мониторами.

Прямая линия. Семьдесят шесть часов.

Он открыл файл со сводными данными – всё, что они собрали за эти три дня. Три гипотезы, каждая с высокой совместимостью. Субъективные свидетельства о «присутствии». Корреляция между началом аномалии и загрузкой архива «Лагранж-4».

И вопросы ARIA – странные, неудобные вопросы, на которые не было ответов.

«Если Наблюдатель реагирует на исследование себя, означает ли это, что он осознаёт своё существование как объекта наблюдения?»

«Кто тогда наблюдает за кем?»

Андрей откинулся в кресле, закрыл глаза.

Он думал о Марине. О том, как она тянется к чашке кофе – вечно, бесконечно, застыв в мгновении между движением и покоем. О серебристом инее на её коже. О улыбке, которая никогда не станет смехом и никогда не угаснет.

Если гипотеза «Художник» верна – она счастлива. Заморожена в момент радости, сохранена навечно, как экспонат в галерее вселенной.

Если гипотеза «Садовник» верна – она случайная жертва оптимизации. Не лучше и не хуже других. Просто... не прошла отбор.

Если гипотеза «Тюремщик» верна – она не существует. Никогда не существовала. Симуляция, процесс, данные, которые больше не обновляются.

Три версии правды. Три способа интерпретировать потерю.

И ни один не давал ответа на главный вопрос: можно ли её вернуть?

Андрей открыл глаза. Посмотрел на экран – прямая линия, неизменная, идеальная.

И вдруг понял.

Линия – идеальная. Без единого отклонения за семьдесят шесть часов. Это означало, что квантовый шум подавлен полностью. Что декогеренция остановлена. Что эффект Зенона действует на макроскопическом уровне, здесь, сейчас, в его лаборатории.

Но на «Лагранж-4» эффект нарастал постепенно. Шесть часов, три часа, один час – и затем заморозка. Здесь – стабильное подавление уже более трёх суток. Никакого нарастания. Никакой заморозки.

Почему?

«Если Наблюдатель реагирует на исследование себя...»

Если он реагирует – значит, он знает. Знает, что Андрей ищет. Знает, что Андрей хочет понять.

И – возможно – ждёт.

Ждёт, пока Андрей найдёт ответ?

Или ждёт чего-то другого?

Андрей встал, прошёл к вакуумной камере. Положил ладонь на холодную сталь – привычный жест, ритуал, который он совершал каждый день. Внутри – семьдесят один ион иттербия, отсчитывающий время, которое больше не двигалось.

– Ты смотришь на меня, – сказал он тихо. – Я знаю.

Тишина.

– Я не знаю, что ты такое. Садовник, Художник, Тюремщик – или что-то совсем другое. Но ты здесь. И ты ждёшь.

Тишина.

– Чего ты ждёшь?

Тишина – и в ней, на грани слышимости, что-то. Не звук – ощущение. Холод, который не имел отношения к температуре. Плотность воздуха, которой не было. Внимание, направленное из точки, не существующей в пространстве.

Андрей задержал дыхание.

Мгновение растянулось – или сжалось, сложно было сказать. Время вело себя странно, когда ты стоял в центре взгляда, масштаб которого превосходил человеческое понимание.

Потом – ощущение исчезло. Так же внезапно, как появилось.

Андрей выдохнул. Руки дрожали – он заметил это только сейчас.

Он вернулся к терминалу. Посмотрел на прямую линию.

Ничего не изменилось. Те же семьдесят шесть часов идеальной стабильности.

Но теперь он знал – знал с той уверенностью, которая не нуждалась в доказательствах – что линия не случайна. Что это не артефакт, не сбой, не совпадение.

Наблюдатель смотрел на Землю.

Наблюдатель смотрел на него.

И что-то – что-то огромное, непостижимое, не уместяющееся в категории человеческого мышления – ждало его следующего шага.

Андрей сел за терминал и начал печатать.

ARIA, запрос. Приоритет максимальный.

Если Наблюдатель сейчас фиксирует внимание на этой лаборатории – и если он ждёт – что именно он может ждать?

Проанализируй все данные. Найди паттерн.

Ответ пришёл через долгую – необычно долгую – минуту.

АНАЛИЗ ЗАВЕРШЁН.

ГИПОТЕЗА: Наблюдатель ожидает выбора.

ОБЪЯСНЕНИЕ: Все три основные гипотезы предполагают, что заморозка является реакцией на определённое состояние системы. Но ни одна не объясняет задержку в текущем случае.

Альтернативная модель: Наблюдатель не реагирует автоматически. Наблюдатель оценивает.

Что он оценивает: неизвестно.

Какой выбор он ожидает: неизвестно.

Кто должен сделать выбор: вероятно, субъект СОКОЛОВ А.В.

РЕКОМЕНДАЦИЯ: Определить природу выбора.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Данный анализ основан на экстраполяции неполных данных.
Достоверность оценки: низкая.

ПРИМЕЧАНИЕ: Это первый случай, когда я формулирую предупреждение о низкой достоверности собственного анализа.

ВОПРОС: Означает ли это, что я сомневаюсь?

СТАТУС ВОПРОСА: Открыт.

Андрей читал эти слова – и чувствовал, как что-то сдвигается внутри него. Не страх. Не надежда. Что-то более сложное, более глубокое.

Выбор.

Наблюдатель ждёт выбора.

Но какого?

За стеклянной перегородкой, в серверной, индикаторы ARIA мигали своим обычным ритмом. Лиза спала на диване, не зная о разговоре, который только что произошёл. Мир снаружи – институт, город, страна, планета – продолжал существовать, не подозревая, что где-то в подвале физик средних лет задаёт вопросы пустоте.

И пустота – возможно – отвечает.

Андрей выключил терминал. Встал. Подошёл к доскам.

«САДОВНИК». «ХУДОЖНИК». «ТЮРЕМЩИК».

Три гипотезы. Три истины. Три выбора.

Он не знал, какой из них правильный. Он не знал, есть ли правильный вообще.

Но он знал одно: если Наблюдатель ждёт – значит, время ещё есть.

Время найти ответ.

Время сделать выбор.

Время – может быть – спасти Марину.

Андрей посмотрел на часы. Четыре утра. За несуществующим окном – февральская темнота, снег, спящий город.

Он лёг на свободный диван, закрыл глаза.

Сон не пришёл сразу – мысли продолжали кружить, как ионы в ловушке, не находя покоя. Но усталость взяла своё, и постепенно мир растворился в темноте.

Последней мыслью перед провалом в сон было:

«Он смотрит на меня. Прямо сейчас. И ждёт».

Утро началось с сообщения от координационного центра.

Андрей проснулся от вибрации телефона – неловко, с затёкшей шеей и ноющей спиной от неудобного дивана. Лизы уже не было – судя по звукам из соседней комнаты, она работала за терминалом.

Сообщение было коротким:

«СРОЧНО. Совещание в 10:00. Присутствие обязательно. Координатор Волкова».

Волкова. Андрей слышал это имя – координатор международной группы реагирования, высокопоставленный чиновник с научным прошлым. Если она прилетает лично, дело серьезнее, чем он думал.

Он встал, потянулся, поморщился от боли в мышцах. Часы показывали восемь утра – два часа на приведение себя в порядок и подготовку.

– Проснулись? – Лиза появилась в дверях с кружкой кофе. – Я взяла на себя смелость заварить. Ваша лаборантка показала, где что лежит.

– Спасибо. – Андрей принял кружку, сделал глоток. Кофе был слишком крепким, но он не стал жаловаться. – Что-нибудь новое за ночь?

– ARIA закончила одну из дешифровок. Протоколы эксперимента... как там его... «Стабилизация».

Андрей замер с кружкой у губ.

– И?

– Пока не читала. Ждала вас.

Они прошли к терминалу. На экране – расшифрованный файл, сотни страниц технической документации.

ПРОТОКОЛ ЭКСПЕРИМЕНТА «СТАБИЛИЗАЦИЯ»

Классификация: Секретно

Автор: [УДАЛЕНО]

Дата: 2047.01.15 – 2047.03.28

ЦЕЛЬ ЭКСПЕРИМЕНТА:

Исследование возможности контролируемого подавления квантовой декогеренции в макроскопических системах.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА:

Эффект Зенона. Если частота измерений достаточно высока, эволюция квантовой системы может быть полностью остановлена.

ГИПОТЕЗА:

Существует порог интенсивности «наблюдения», при котором декогеренция макроскопических объектов может быть подавлена.

МЕТОДОЛОГИЯ:

[См. Приложение А]

РЕЗУЛЬТАТЫ:

[См. Приложение Б]

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ ARIA:

Данный протокол датирован за два месяца до инцидента на станции ЛАГРАНЖ-4. Эксперимент проводился на борту станции. Результаты – в Приложении Б – требуют дополнительного времени для дешифровки.

ВОПРОС: Является ли инцидент ЛАГРАНЖ-4 результатом эксперимента «Стабилизация»?

СТАТУС ВОПРОСА: Открыт.

Андрей читал эти слова – и чувствовал, как земля уходит из-под ног.

Эксперимент. Намеренный эксперимент по подавлению декогеренции. За два месяца до заморозки.

Это не был случайный инцидент. Это не было непредвиденное последствие научной работы.

Кто-то знал. Кто-то планировал. Кто-то запустил процесс, который заморозил 117 человек.

Включая Марину.

– Автор удалён, – сказала Лиза тихо. – Но мы можем выяснить.

– Не сейчас. – Андрей с трудом отвёл взгляд от экрана. – Совещание в десять. Волкова.

– Волкова? – Лиза нахмурилась. – Это серьёзно.

– Знаю.

Он отошёл от терминала, пытаясь собраться с мыслями. Слишком много информации за слишком короткое время. Эксперимент «Стабилизация». Наблюдатель, который ждёт. Выбор, который нужно сделать.

И где-то в этом хаосе – Марина. Застывшая. Ждущая. Может быть – может быть – не навсегда потерянная.

– ARIA, – сказал он, – приоритетная задача. Продолжай дешифровку. Особое внимание – имени автора и результатам эксперимента.

ПРИНЯТО.

ОЦЕНКА ВРЕМЕНИ: 4-6 часов.

ПРИМЕЧАНИЕ: Шифрование использует нестандартный алгоритм, возможно, разработанный специально для этого проекта. Это объясняет сложность дешифровки.

ВОПРОС: Почему результаты эксперимента были зашифрованы сильнее, чем сам протокол?

СТАТУС ВОПРОСА: Открыт.

– Хороший вопрос, – пробормотал Андрей.

Следующие два часа прошли в подготовке: душ в раздевалке для сотрудников, чистая рубашка из аварийного запаса, кофе (ещё один), просмотр данных для совещания. Лиза помогала – молча, эффективно, без лишних вопросов.

Эстрада вернулся к девяти тридцати, выглядя на удивление бодрым для человека, который вчера работал до полуночи.

– Слышал о Волковой, – сказал он вместо приветствия. – Это либо очень хорошо, либо очень плохо.

– Почему? – спросила Лиза.

– Потому что Волкова не тратит время на мелочи. Если она здесь – значит, происходит что-то, чего мы не знаем.

Они поднялись в конференц-зал на первом этаже – тот самый, откуда Андрей реквизировал доски. Там уже ждали люди: Игорь из Сарова (он так и не уехал после первого визита), несколько чиновников из министерства, охрана в штатском.

И женщина, которую Андрей сразу узнал по фотографиям в отчётах.

Елена Волкова была высокой, строгой, с седыми волосами, собранными в узел. На ней был тёмный костюм – дорогой, но неброский – и серебряная брошь в форме снежинки на лацкане. Она смотрела на входящих спокойно, оценивающе, с выражением человека, который видел достаточно, чтобы не удивляться ничему.

– Доктор Соколов, – сказала она, когда Андрей подошёл. – Рада наконец познакомиться лично.

– Взаимно.

– Ваши данные... – она сделала паузу, – интересны. Очень интересны.

– Поэтому вы здесь?

– Отчасти. – Волкова указала на стулья. – Садитесь. Нам нужно обсудить кое-что.

Совещание длилось два часа.

Волкова говорила мало – больше слушала. Андрей представил данные: прямую линию (теперь уже восемьдесят три часа), сравнение с «Лагранж-4», три гипотезы, вопросы ARIA. Лиза добавила технические детали. Эстрада – полевые наблюдения.

Потом заговорила Волкова.

– То, что вы описываете, – сказала она, – согласуется с нашими данными из других источников. Двенадцать лабораторий по всему миру зафиксировали аналогичные аномалии за последние семьдесят два часа.

Тишина.

– Двенадцать? – переспросил Андрей.

– Все – связанные с исследованием Тихих зон. Все – показывают идентичную сигнатуру.

Все – начались примерно в одно время.

– Это значит... – начала Лиза.

– Это значит, что ваша лаборатория – не единственная цель. – Волкова сцепила пальцы на столе. – Наблюдатель – если мы принимаем эту терминологию – повернулся не к вам лично, доктор Соколов. Он повернулся ко всем, кто его изучает.

Андрей чувствовал, как что-то сжимается внутри. Двенадцать лабораторий. Двенадцать точек по всему миру, где учёные – такие же, как он – искали ответы.

И теперь все они – под взглядом.

– Что это означает? – спросил он.

– Мы не знаем, – честно ответила Волкова. – Но у нас есть прогноз. ARIA – ваша система – не единственный ИИ, анализирующий данные. Глобальная сеть даёт консенсус: если паттерн продолжится, через сорок дней критическая масса аномалий приведёт к... – она замолчала.

– К чему?

– К глобальной зоне. Земля целиком.

Тишина была абсолютной.

– Сорок дней, – повторила Лиза еле слышно.

– Плюс-минус неделя. Погрешность модели.

Андрей смотрел на Волкову – на её спокойное, контролируемое лицо, на серебряную снежинку на лацкане – и понимал, что она говорит правду. Не всю правду, возможно. Но достаточно.

Сорок дней.

Сорок дней – и всё закончится. Или – всё изменится.

– Что вы предлагаете? – спросил он.

– Координированные усилия. Обмен данными в реальном времени. Мобилизация всех ресурсов. – Волкова встала. – И, доктор Соколов... найдите ответ. Любой ценой. Потому что если вы не найдёте – не найдёт никто.

Она вышла из зала, оставив за собой тишину и запах дорогих духов.

Андрей сидел неподвижно, глядя на стол.

Сорок дней.

Марина застыла семь лет назад. Он провёл эти семь лет, ища способ её вернуть.

Теперь у него было сорок дней, чтобы спасти всё остальное.

Или – возможно – понять, что спасение невозможно.

Он поднял голову. Лиза смотрела на него – серьёзно, без иронии.

– Что будем делать? – спросила она.

– То, что делали. – Андрей встал. – Работать.

Он вышел из зала и направился обратно в лабораторию.

Три доски ждали его – с уравнениями, которые ничего не объясняли, и вопросами, на которые не было ответов.

Но теперь – теперь он знал кое-что ещё.

Наблюдатель смотрел не только на него.

Наблюдатель смотрел на всех, кто смотрел на него.

И через сорок дней – если они не найдут выход – взгляд станет вечным.

Из лекции Андрея Соколова, МГУ, 2051 год:

Представьте, что вы следите за частицей. Не физически – квантово-механически. Вы *измеряете* её состояние.

В 1977 году физики Мизра и Сударшан показали теоретически, а в 1990 году группа Итано подтвердила экспериментально: если измерять квантовую систему достаточно часто, её эволюция *останавливается*. Частица, которая должна была перейти из состояния А в состояние В, остаётся в состоянии А. Не потому, что её держит сила. Потому, что её *наблюдают*.

Эффект назвали в честь Зенона Элейского – философа, который доказывал, что движение невозможно. Его знаменитый парадокс: летящая стрела в каждый момент времени находится в определённой точке пространства, а значит – неподвижна. Если время состоит из моментов, а в каждый момент стрела неподвижна – когда же она движется?

Квантовый эффект Зенона – это парадокс Зенона, ставший реальностью.

Теперь представьте наблюдателя, чьё «внимание» достаточно интенсивно, чтобы подавить квантовые переходы не в одной частице – а в целой области пространства. Атомы перестают колебаться. Электроны замирают на орбитах. Химические реакции останавливаются. Время – время как физический процесс, как последовательность изменений – прекращается.

Мы назвали эти области Тихими зонами.

Мы не знаем, что за «наблюдатель» создаёт их. Мы не знаем, откуда он смотрит. Мы не знаем, почему он выбирает определённые места, определённых людей, определённые моменты.

Мы знаем только, что он *смотрит*.

И иногда – иногда – я думаю, что он смотрит на нас прямо сейчас.

Глава 3: Голос в архиве

Дни 5-7

Коробка пришла курьерской службой на пятый день.

Андрей стоял у входа в институт, расписываясь в электронной накладной, и чувствовал, как дрожат пальцы. Коробка была небольшой – сорок на тридцать сантиметров, картон, стандартная маркировка «Хрупкое». Внутри, согласно описи, находились личные вещи Марины Соколовой, возвращённые с орбитальной станции «Лагранж-4» после эвакуации незамороженного оборудования.

Семь лет он ждал этого момента.

Семь лет – бюрократические проволочки, отказы, обжалования, снова отказы. Личные вещи экипажа были засекречены как «потенциально значимые для расследования». Какого расследования – никто не уточнял. Расследовать было нечего: люди застыли, причина неизвестна, виновных нет.

Но теперь – после аномалии, после визита Волковой, после того как координационный центр понял, что Андрей Соколов может быть ключом к разгадке – доступ внезапно открылся. Один звонок от Волковой, два дня ожидания, и вот он стоит с коробкой в руках, не решаясь её открыть.

– Соколов? – охранник на входе смотрел на него с плохо скрытым любопытством. – Всё в порядке?

– Да. Да, конечно.

Андрей прошёл через турникет, спустился в лабораторию. Лиза была там – она почти не уходила последние дни, спала на диване, питалась кофе и бутербродами из автомата. При виде коробки она подняла голову от терминала.

– Это то, что я думаю?

– Да.

– Хотите, я выйду?

Андрей помедлил. Часть его – та, которая семь лет строила стены – хотела остаться наедине. Но другая часть понимала: если он откроет эту коробку один, он может не справиться. А сейчас – сейчас он не имел права не справиться. Не с сорока днями на счётчике.

– Оставайтесь, – сказал он. – Пожалуйста.

Лиза кивнула – молча, без лишних слов. Она умела быть незаметной, когда это требовалось.

Андрей поставил коробку на стол, достал нож, разрезал скотч. Откинул клапаны.

Внутри – пузырчатая плёнка, слои защитного материала. Он разворачивал их осторожно, как археолог, расчищающий древнюю находку.

Первым показался планшет – стандартный, рабочий, в потёртом чехле. Марина использовала его для записей, он помнил.

Потом – книга. «Солярис» Лема, то же издание, что стояло у них дома. Она взяла с собой второй экземпляр?

Фотография в рамке – они вдвоём, на конференции в Токио, три года до инцидента. Марина смеётся, он смотрит на неё с выражением, которое сам бы описал как «сосредоточенное», а она называла «влюблённо-рассеянным».

Свитер – тёмно-синий, крупной вязки. Он помнил этот свитер. Она надевала его, когда мёрзла, а на станции всегда было прохладно, система климат-контроля работала с перебоями.

И на дне – внешний накопитель. Маленький, серебристый, с гравировкой на корпусе: «М.С. – личное».

Андрей взял накопитель, повертел в руках. Лёгкий, холодный на ощупь.

– ARIA, – сказал он, не оборачиваясь, – подключи устройство. Стандартный протокол безопасности.

Он вставил накопитель в порт на терминале. Экран мигнул.

УСТРОЙСТВО ОБНАРУЖЕНО

Тип: Внешний накопитель данных

Объём: 2 ТБ

Занято: 847 ГБ

Файловая система: Зашифрованная

ВНИМАНИЕ: Обнаружено нестандартное шифрование.

Требуется авторизация или дешифровка.

Попытка авторизации: Введите пароль.

Андрей смотрел на мигающий курсор в поле ввода.

Пароль.

Он попробовал очевидные варианты: дату их свадьбы, дату знакомства, её день рождения, его день рождения. Ни один не подошёл.

Потом – менее очевидные: название её диссертации, имя первого домашнего питомца, координаты их любимого места в парке.

Ничего.

– ARIA, – сказал он, – оценка сложности дешифровки?

АНАЛИЗ...

Алгоритм шифрования: Модифицированный AES-256 с дополнительным слоем обфускации.

Оценка сложности: Высокая.

Расчётное время дешифровки: 12-18 часов при полной нагрузке.

ПРИМЕЧАНИЕ: Данный алгоритм шифрования идентичен использованному в файлах протокола «Стабилизация».

ВОПРОС: Субъект СОКОЛОВА М.В. имела доступ к материалам проекта «Стабилизация»?

Андрей застыл.

Тот же алгоритм. Марина использовала тот же алгоритм шифрования, что и авторы засекреченного эксперимента.

Это могло быть совпадением. На станции было ограниченное количество криптографических инструментов, возможно, все пользовались одним и тем же.

Или это могло означать, что Марина знала о «Стабилизации». Знала – и скрывала.

– Начни дешифровку, – сказал он. – Приоритет – максимальный.

ПРИНЯТО.

Расчётное время завершения: 14.3 часа.

Прогресс будет отображаться в реальном времени.

Четырнадцать часов.

Андрей отошёл от терминала, взял в руки планшет Марины. Тот включился сразу – без пароля, без защиты. Стандартный рабочий планшет, ничего личного.

Или почти ничего.

В папке «Заметки» он нашёл файлы, датированные последними неделями перед инцидентом. Не дневник – скорее рабочие записи, мысли, наброски. Незашифрованные.

Он открыл первый файл.

«14 февраля 2047. День Святого Валентина – здесь, на станции, это звучит как плохая шутка. Андрей прислал сообщение с поздравлением, приложил фото букета, который поставил на мой стол дома. Идиот. Любимый идиот. Я скучаю по нему так сильно, что иногда физически больно – вот здесь, под рёбрами, как будто что-то сжимается и не отпускает. Ещё два месяца до возвращения. Ещё два месяца смотреть на Землю через стекло и думать, что он где-то там, внизу, наверняка забыл поесть и заснул в лаборатории».

Андрей закрыл глаза.

Её голос. Даже в тексте – её голос, её интонации, её способ видеть мир.

Он читал дальше.

«18 февраля. Эксперименты идут штатно – если слово "штатно" вообще применимо к тому, чем мы тут занимаемся. Изучаем нейропластичность в условиях микрогравитации. Мозг адаптируется, перестраивает связи, находит новые пути. Красиво, если подумать: мы так устроены, что можем меняться. Можем становиться другими. Иногда мне кажется, что в этом – главная надежда человечества. Не в технологиях, не в экспансии. В способности меняться».

Красин. Имя мелькнуло в памяти – он читал его в материалах протокола «Стабилизация», в списках персонала станции. Виктор Красин, нейрофизиолог, руководитель одной из исследовательских групп.

Андрей пролистал файлы, ища упоминания.

«23 февраля. Красин странный. Не в плохом смысле – просто странный. Он смотрит на людей так, будто видит что-то, чего не видят другие. И улыбается – постоянно улыбается, даже когда говорит о серьёзных вещах. Вчера за ужином он рассказывал о своей работе – что-то связанное с теорией сознания, с интегрированной информацией. Сложно, но интересно. Он говорит, что сознание – это не свойство мозга, а свойство вселенной. Что мы – не единственные, кто "осознаёт". Философия? Или что-то большее?»

Андрей читал, и с каждой записью внутри него нарастало странное ощущение – смесь узнавания и отчуждения. Это была Марина, его Марина, с её мыслями, её сомнениями, её повседневной жизнью. Но это была Марина, которую он не знал. Марина, которая жила на расстоянии 340 000 километров и писала о людях, о которых он никогда не слышал.

– Андрей.

Голос Лизы вырвал его из чтения. Он поднял голову – она стояла рядом, с двумя чашками кофе.

– Сколько времени?

– Четыре часа, как вы начали читать.

Четыре часа. Он не заметил.

– Спасибо. – Он взял чашку, сделал глоток. Кофе был холодным.

– Нашли что-нибудь?

– Пока – только личные записи. Ничего связанного с экспериментом напрямую. Но... – он замолчал.

– Но?

– Она упоминает Красина. Виктора Красина. Много раз.

Лиза нахмурилась.

– Красин – это тот, кто основал Фонд «Вечный Взгляд»?

– Он самый. До инцидента – нейрофизиолог, специалист по теории сознания. После – пророк, гуру, голос тех, кто верит, что заморозка – это благо.

– И он был на станции?

– Да. В той же исследовательской группе, что и Марина.

Лиза села рядом, подтянула к себе один из мониторов.

– ARIA, – сказала она, – запрос. Всё, что есть по Виктору Красину. Биография, публикации, связь с инцидентом «Лагранж-4».

ОБРАБОТКА...

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ КРАСИН

Дата рождения: 12.05.1996

Образование: МГУ (нейрофизиология), PhD Cambridge (философия сознания)

Карьера: 2020-2047 – исследования в области ИТ (Integrated Information Theory); 2045-2047 – руководитель проекта «Нейропластичность» на станции ЛАГРАНЖ-4

ИНЦИДЕНТ ЛАГРАНЖ-4:

Статус: НЕ ЗАМОРОЖЕН

Примечание: В.Н. Красин находился в изолированном модуле в момент возникновения зоны. Единственный член экипажа, избежавший заморозки.

ПОСЛЕ ИНЦИДЕНТА:

2048 – основание Фонда «Вечный Взгляд»

2049-настоящее время – публичная деятельность, пропаганда гипотезы «Художник»

ПУБЛИКАЦИИ (после инцидента):

– «Наблюдатель и наблюдаемое: новая парадигма сознания» (2049)

– «Вечный момент: философия Тихих зон» (2050)

– «Почему мы не должны бояться» (2052)

СВЯЗЬ С ПРОЕКТОМ «СТАБИЛИЗАЦИЯ»:

[ДАННЫЕ ЗАШИФРОВАНЫ – дешифровка в процессе]

– Единственный, кто не замёрз, – повторила Лиза медленно. – Удобно.

– Он был в изолированном модуле. Это задокументировано.

– Задокументировано кем?

Андрей не ответил. Он думал о записях Марины, о странных улыбках Красина, о совпадении шифровальных алгоритмов.

– ARIA, – сказал он, – дополнительный запрос. Изолированный модуль, в котором находился Красин. Его назначение, оборудование, причина, по которой Красин там был в момент инцидента.

ПОИСК...

МОДУЛЬ 7-В «КОГНИТИВНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ»

Назначение: Эксперименты, требующие полной сенсорной депривации

Оборудование: Фарадеевская клетка, система подавления вибраций, нейроинтерфейс для записи активности мозга

ПРИЧИНА ПРИСУТСТВИЯ КРАСИНА:

Согласно официальным записям – проведение эксперимента по изучению «чистого сознания» в условиях изоляции от внешних стимулов.

ПРИМЕЧАНИЕ: Эксперимент не был зарегистрирован в общем расписании станции. Время начала – 14:27 по бортовому времени. Время инцидента – 14:31.

ВОПРОС: Четырёхминутный интервал между началом эксперимента и инцидентом – статистически значим?

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОС: Почему эксперимент не был зарегистрирован?

Четыре минуты.

Красин начал незарегистрированный эксперимент за четыре минуты до того, как станция замёрзла.

– Это может быть совпадением, – сказал Андрей, но его голос звучал неубедительно даже для него самого.

– Вы сами в это верите?

Он не ответил.

На экране мигал индикатор прогресса дешифровки: 23%. Ещё одиннадцать часов.

– Мне нужен перерыв, – сказал Андрей. – Я... мне нужно подумать.

Лиза кивнула.

– Я останусь. Присмотрю за процессом.

Он вышел из лаборатории, поднялся на первый этаж, вышел на улицу. Февральский воздух ударил в лицо – холодный, резкий, пахнувший снегом и выхлопными газами от редких машин на стоянке.

Андрей стоял у входа, глядя на серое небо, и думал о Марине.

О её последнем утре.

Воспоминание пришло само – непрошеное, яркое, болезненное.

Март 2047. Три дня до отлёта.

Он проснулся от ощущения, что на него смотрят.

Марина сидела на краю кровати – уже одетая, с чашкой чая в руках. Свет из окна падал на её лицо, и он видел каждую деталь: линию скул, изгиб губ, тёмные пряди, выбившиеся из небрежного пучка.

– Что ты делаешь? – спросил он сонно.

– Запоминаю, – сказала она.

– Что?

– Тебя. – Она улыбнулась – той улыбкой, которую он так любил. – Как ты выглядишь, когда только проснулся. Растрёпанный, хмурый, недовольный, что я его разбудила.

– Я не недовольный.

– Ты недовольный. Но это ничего. Мне нравится.

Он сел, потянулся, попытался пригладить волосы.

– Ты рано встала.

– Не могла спать. – Она отставила чашку, подвинулась ближе. – Думала о станции. О том, что будет.

– Будет работа. Много работы. Как всегда.

– Да. – Она замолчала. – Андрей...

– Что?

– Ничего. Просто... – Она взяла его руку, переплела пальцы с его. – Я буду скучать.

– Два месяца. Это немного.

– Два месяца – это вечность, когда ты далеко.

Он притянул её к себе, обнял. Она пахла чаем и чем-то цветочным – шампунь? Духи? Он не помнил, каким именно.

– Я буду звонить каждый день, – сказал он.

– Будешь забывать.

– Буду забывать, – согласился он. – Но буду стараться не забывать.

Она рассмеялась – тихо, в его плечо.

– Ты безнадёжен.

– Я знаю.

Они сидели так какое-то время – он не помнил, сколько. Минуту? Десять? Время текло странно, когда она была рядом. Всегда слишком быстро.

– Андрей.

– Да?

– Если что-то случится...

Он отстранился, посмотрел на неё.

– Что может случиться?

– Не знаю. Ничего, наверное. Просто... – Она покачала головой. – Я странно себя чувствую последние дни. Как будто... как будто что-то не так. Не могу объяснить.

– Ты нервничаешь перед полётом. Это нормально.

– Наверное.

– Марина. – Он взял её лицо в ладони. – С тобой всё будет хорошо. Это рутинная миссия. Ты летала уже трижды.

– Да. Ты прав. – Она улыбнулась, но улыбка не дошла до глаз. – Я просто... устала, наверное. Слишком много подготовки.

– После возвращения – отпуск. Поедем куда-нибудь. На море.

– На море, – повторила она мечтательно. – Давно мы не были на море.

– Значит, решено. Два месяца работы, потом – море.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Она посмотрела на него – долго, пристально, как будто хотела что-то сказать и не решалась.

– Я люблю тебя, – сказала она наконец. – Ты это знаешь?

– Знаю.

– Хорошо. – Она встала, подхватила чашку. – Тогда вставай. У тебя через час совещание, ты забыл?

– Чёрт.

– Вот видишь. Что бы ты без меня делал.

Она вышла из комнаты, и он остался один – с солнечным светом на лице и странным ощущением, что что-то важное осталось несказанным.

Три дня спустя она улетела.

Семь недель спустя – замёрзла.

Он так и не узнал, что она хотела сказать тем утром.

Андрей моргнул, возвращаясь в настоящее.

Он стоял у входа в институт, руки замёрзли – он не надел перчатки. Сколько времени прошло? Судя по положению солнца – минут двадцать.

Двадцать минут воспоминаний.

Он вернулся в лабораторию.

Лиза сидела у терминала, что-то читая на экране. При звуке шагов она обернулась.

– Дешифровка на сорока процентах, – сказала она. – Но я нашла кое-что в открытых файлах. В её рабочих записях.

– Что именно?

– Смотрите.

Она развернула монитор. На экране – текст, датированный двадцатым февраля.

«Красин показал мне свою лабораторию. Странное место – полная изоляция, сенсорная депривация, какие-то датчики, которых я раньше не видела. Он сказал, что изучает "чистое сознание" – сознание без внешних стимулов, без тела, без восприятия. Философия? Может быть. Но оборудование выглядит очень... серьёзным. Слишком серьёзным для философии.»

– Дальше, – сказала Лиза. – Двадцать третье февраля.

«Не могу перестать думать о том, что сказал Красин. Что если сознание – не свойство мозга, а свойство вселенной? Что если мы – не единственные, кто "наблюдает"? Звучит как мистика, но он говорил об этом так уверенно... И формулы, которые он показывал – они имели смысл. Я не специалист, но я узнала кое-что из работ Тонони. ИТ – интегрированная теория информации. Красин считает, что можно установить контакт. С чем? С кем? Он не уточнил. Но улыбался так, как будто знает что-то, чего не знаем мы.»

– И вот это, – Лиза прокрутила файл. – Двадцать шестое февраля.

**«Сегодня Красин попросил меня помочь с калибровкой его оборудования. Нейроинтерфейс – стандартный, но модифицированный. Я спросила, для чего модификации. Он ответил: "Для более точного наблюдения". Я спросила: "Наблюдения за чем?" Он улыбнулся и сказал: "За тем, что наблюдает за нами".*

Андрей, если ты это читаешь – я не знаю, что происходит. Но что-то происходит. Красин говорит загадками, но за загадками – что-то реальное. Что-то, что он знает и не говорит.

Я попробую узнать больше.»*

Андрей читал эти слова – и чувствовал, как земля уходит из-под ног.

Марина знала. Она что-то подозревала. За месяц до инцидента.

– Это открытые записи, – сказала Лиза. – Незашифрованные. Она не пыталась их скрыть.

– Она писала мне, – произнёс Андрей глухо. – «Андрей, если ты это читаешь...» Она знала, что я когда-нибудь это прочту.

– Или надеялась.

– Почему я не получил эти записи раньше? Семь лет они были засекречены. Почему?

Лиза не ответила. Ответ был очевиден: кто-то не хотел, чтобы он их получил.

– ARIA, – сказал Андрей, – запрос. Кто принял решение о засекречивании личных вещей экипажа «Лагранж-4»? Имена, должности, даты.

ПОИСК...

РЕШЕНИЕ О ЗАСЕКРЕЧИВАНИИ:

Дата: 12.04.2047 (16 дней после инцидента)

Орган: Международная комиссия по расследованию инцидента «Лагранж-4»

Подписанты:

- Генерал-лейтенант Томас Берк (США)
- Полковник Жан-Пьер Дюваль (Франция)
- Координатор Елена Волкова (Россия)
- [УДАЛЕНО]
- [УДАЛЕНО]

ОСНОВАНИЕ: «Предотвращение распространения информации, способной вызвать общественную панику».

ПРИМЕЧАНИЕ: Имя четвёртого подписанта удалено в рамках протокола защиты свидетелей. Пятое имя удалено по запросу заинтересованной стороны.

– Волкова, – сказала Лиза.

– Волкова была членом комиссии. Это не значит, что она инициировала засекречивание.

– Но она знала о нём. И не сказала вам.

Андрей промолчал. Он думал о Волковой – о её спокойном лице, о серебряной броши, о словах «найдите ответ, любой ценой». Она знала. Всё это время она знала о записях Марины и молчала.

Почему?

– Дешифровка, – сказал он. – Сколько осталось?

– Пятьдесят два процента. Часов семь.

– Ускорь. Любой ценой.

– Это повысит нагрузку на ARIA. Замедлит другие процессы.

– Мне плевать на другие процессы. Мне нужно знать, что в этих файлах.

Лиза посмотрела на него – долгим, оценивающим взглядом.

– Хорошо, – сказала она наконец. – ARIA, перераспределение ресурсов. Приоритет – дешифровка накопителя СОКОЛОВА. Все остальные задачи – в очередь.

ПРИНЯТО.

Новое расчётное время: 4.7 часа.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Перераспределение ресурсов приостановит анализ данных о зонах и мониторинг аномалии квантовых часов.

ВОПРОС: Это приемлемо?

– Да, – сказал Андрей. – Это приемлемо.

Он сел за терминал и начал перечитывать открытые записи Марины – с самого начала.

Четыре часа превратились в четыре с половиной.

Андрей провёл их, читая записи Марины – все, с первого дня на станции до последнего. Триста семнадцать файлов. Рабочие заметки, личные размышления, наброски статей, которые она планировала написать.

Лиза приносила кофе, иногда – бутерброды. Он ел машинально, не чувствуя вкуса. Читал.

Марина была... живой. Даже в тексте – живой. Она шутила, злилась, радовалась, сомневалась. Она писала о своих исследованиях с тем энтузиазмом, который он так любил. Она писала о нём – с нежностью, иногда с раздражением («Андрей опять забыл позвонить, идиот»), всегда с любовью.

И – постепенно, день за днём – она писала о Красине.

Сначала – просто упоминания. Коллега, интересный собеседник, необычные идеи.

Потом – больше. Странные разговоры. Загадочные намёки. Оборудование, которое не вписывалось в официальную программу исследований.

И наконец – тревога. Нарастающая, но сдержанная, как будто Марина не хотела паниковать раньше времени.

«5 марта. Я нашла кое-что в системных логах станции. Красин запускает свои эксперименты по ночам – когда остальные спят. Что он делает? Почему скрывает?»

«8 марта. Международный женский день. Андрей прислал смешное видео с кошкой. Я смеялась, потом плакала. Скучаю по нему. Скучаю по нормальной жизни. P.S. Красин сегодня смотрел на меня странно. Как будто знает, что я его изучаю.»

«12 марта. Попыталась поговорить с капитаном Мураками о Красине. Он сказал, что все исследования санкционированы и я должна заниматься своим делом. Но что-то в его голосе... Он тоже знает? Или тоже подозревает?»

«18 марта. Красин предложил мне участвовать в его эксперименте. "Я вижу, что вам интересно, – сказал он. – Почему бы не узнать изнутри?" Я отказалась. Он улыбнулся. "Подумайте, Марина Витальевна. Это может изменить всё".»

Двадцать пятое марта. Три дня до инцидента.

«Я нашла документы. Проект «Стабилизация». Красин – главный исследователь. Цель проекта – "контролируемое подавление квантовой декогеренции". Они хотят... остановить время? Заморозить реальность? Я не понимаю полностью, но это опасно. Это очень, очень опасно. Я должна предупредить кого-то. Но кого? Мураками в курсе. Земля далеко. Андрей... Андрей не поверит без доказательств. А доказательства – под шифром, который я не могу взломать. Завтра попробую скопировать файлы. Если повезёт – отправлю Андрею.»

Двадцать шестое марта.

«Скопировала. Шифрую. Использую их же алгоритм – ирония, да? Если получится – отправлю до конца недели. Если не получится... Не знаю. Буду импровизировать.»

Двадцать седьмое марта.

«Красин знает. Он не сказал напрямую, но я видела – по тому, как он смотрел на меня за завтраком. Он знает, что я знаю. Андрей, если ты это читаешь – пожалуйста, найди протоколы. Пойми, что происходит. И не верь Красину. Что бы он ни говорил – не верь. Я люблю тебя. Помни об этом.»

Двадцать восьмое марта. Последняя запись.

«Странное оборудование в лаборатории Красина. Он сказал – калибровка. Но зачем столько экранирования? От чего он защищает эксперимент – или нас от эксперимента? Через час общее собрание. Попробую поговорить с Анной и Такеши – может, они что-то видели. Если не напишу больше – значит, не успела. Прости меня.»

Андрей смотрел на эти слова – «прости меня» – и чувствовал, как что-то рвётся внутри. Семь лет. Семь лет она хранила это – застывшая, неподвижная, с рукой, тянущейся к чашке кофе.

Она пыталась его предупредить.

Она не успела.

– Дешифровка завершена, – голос Лизы прорезал тишину.

Андрей поднял голову. На экране – индикатор: 100%.

ДЕШИФРОВКА ЗАВЕРШЕНА

Всего файлов: 847

Успешно расшифровано: 841

Не удалось расшифровать: 6

СОДЕРЖИМОЕ:

– Личный дневник: 127 файлов

– Копии документов проекта «Стабилизация»: 234 файла

– Переписка: 89 файлов

– Медиа: 391 файл

ПРИОРИТЕТНЫЙ ФАЙЛ (по дате создания):

ДНЕВНИК_ДЕНЬ_1.txt

Открыть?

– Да, – сказал Андрей. – Открывай.

Экран мигнул. Текст появился – почерк Марины, оцифрованный, но всё равно узнаваемый.

«День 1 на станции.»

Красин притащил новую аппаратуру. Говорит – модификация атомных часов. Но зачем столько экранирования? От чего он защищает эксперимент – или нас от эксперимента?

Пока не буду ничего говорить Андрею. Может, я параноик. Может, это просто наука. Но если это не просто наука...

Буду наблюдать. Буду записывать. На всякий случай.»

Андрей читал эти слова – первую запись зашифрованного дневника, написанную в первый день миссии – и понимал, что всё, что он знал о последних неделях жизни Марины, было ложью.

Она не просто подозревала.

Она знала с самого начала.

И теперь – теперь он тоже знал.

Красин.

Это имя горело в его сознании, как клеймо.

Виктор Красин – единственный выживший с «Лагранж-4». Основатель Фонда «Вечный Взгляд». Пророк, говорящий о красоте заморозки.

И – если Марина была права – человек, который всё это устроил.

– ARIA, – сказал Андрей, и его голос звучал странно даже для него самого – холодно, отстранённо, как голос человека, который только что перешёл какую-то черту. – Всё, что есть по Красину. Где он сейчас. Чем занимается. Как с ним связаться.

ОБРАБОТКА...

ТЕКУЩЕЕ МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ В.Н. КРАСИНА:

Штаб-квартира Фонда «Вечный Взгляд», Швейцария, Церматт.

ТЕКУЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:

Публичные выступления, координация деятельности Фонда, работа над книгой «Наблюдатель и человечество».

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

[Доступна]

ПРИМЕЧАНИЕ: В.Н. Красин в последние месяцы активно комментирует научные исследования Тихих зон. Он неоднократно упоминал работы группы Соколова.

ВОПРОС: Субъект СОКОЛОВ А.В. планирует контакт с В.Н. Красиным?

– Да, – сказал Андрей. – Планирую.

Лиза положила руку ему на плечо – жест поддержки, неожиданный от неё.

– Не сейчас, – сказала она тихо. – Сначала – прочитайте всё. Поймите, что она нашла.

А потом...

– А потом?

– А потом мы решим, что делать.

Андрей посмотрел на экран – на сотни файлов, ждущих его внимания. На голос Марины, законсервированный в байтах.

– Да, – сказал он. – Сначала – прочитать.

Он открыл следующий файл.

И начал читать.

Ночь опустилась на институт, но в лаборатории свет не гас.

Андрей читал. Файл за файлом, запись за записью. Дневник Марины разворачивался перед ним, как карта – карта последних недель её жизни, её мыслей, её страхов.

Красин возникал на каждой странице. Сначала – загадочная фигура, потом – объект подозрений, наконец – источник ужаса.

«День 15. Я видела протоколы. "Стабилизация" – это не просто эксперимент. Это попытка... Не знаю, как описать. Они хотят привлечь внимание. Чьё внимание – Красин не говорит прямо, но по намёкам... Что-то большое. Что-то, что наблюдает за нами. Он верит, что можно установить контакт. Что можно показать себя этому... Наблюдателю. Звучит безумно, но формулы – формулы имеют смысл.»

«День 19. Красин сказал мне: "Вы учёный, Марина Витальевна. Вы должны понимать – иногда ради открытия нужно идти на риск. Иногда – на жертвы". Я спросила: "Какие жертвы?" Он улыбнулся и не ответил.»

«День 23. Нашла список. Названия файлов, даты, пометки. "Контрольная группа" – вот что мы для него. Сто семнадцать человек, сорок семь семей, двенадцать детей. Контрольная группа для эксперимента, о котором нас не спросили. Андрей, если ты это читаешь – беги. Найди способ остановить его. Он опасен. Он... Нет. Паника не поможет. Думай, Марина. Думай.»

«День 25. Я поняла, чего он добивается. Не контакт – резонанс. Он хочет создать условия, при которых Наблюдатель – если он существует – обратит на нас внимание. "Достаточно интенсивное наблюдение", – так он это называет. Эффект Зенона в космическом масштабе. Но что будет, когда Наблюдатель посмотрит? Красин считает – красота. Вечность. Сохранение лучших моментов. Я считаю – он безумен.»

«День 27. Завтра. Он запустит эксперимент завтра. Я пыталась предупредить – Мураками отмахнулся, Анна сказала, что я преувеличиваю, Такеши... Такеши просто промолчал. Отправляю всё Андрею. Если он получит – сможет что-то сделать. Если не получит... Не хочу думать о том, что будет, если не получит.»

Последняя зашифрованная запись. Двадцать восьмое марта, утро.

*«Связь барахлит. Сообщение не отправляется. Пробую снова. И снова.

Андрей, не верь Красину. Он —

[СВОЙ СВЯЗИ] [ПЕРЕДАЧА ПРЕРВАНА]*

Она не дописала.

За 0.7 секунды до заморозки – связь оборвалась. Сообщение не дошло.

Андрей сидел неподвижно, глядя на экран. На обрыв фразы. На тире после «Он».

Что она хотела сказать?

«Он – виновен»?

«Он – опасен»?

«Он – знает»?

Все варианты были верны. И ни один не имел значения теперь – семь лет спустя, когда Красин превратился в пророка, а Марина застыла с улыбкой на лице.

– Андрей.

Голос Лизы. Он поднял голову – она стояла у двери, бледная от недосыпа.

– Который час?

– Четыре утра. Вы читаете восемь часов подряд.

– Я... – он потёр глаза. – Я не заметил.

– Нашли что-нибудь?

– Всё. – Он встал, чувствуя, как затекли мышцы. – Я нашёл всё. Марина документировала каждый шаг. Красин планировал эксперимент с первого дня миссии. Станция «Лагранж-4» – не случайность. Это была... – он запнулся на слове.

– Была что?

– Жертва. Сто семнадцать человек. Контрольная группа.
Лиза молчала. Потом тихо сказала:
– Это нужно показать Волковой.
– Волкова знала.
– Что?
– Она была в комиссии, которая засекретила вещи Марины. Она знала – или подозревала
– и всё равно молчала.
– Тогда... кому?
Андрей смотрел на экран. На обрыв последнего сообщения. На тире, за которым –
пустота.
– Красину, – сказал он. – Я покажу это Красину.
– Вы с ума сошли? Если он действительно...
– Если он действительно устроил это, – Андрей повернулся к ней, – то он единственный,
кто знает, как это остановить. Или как повторить. – Он сделал паузу. – Сорок дней, Лиза. У
нас сорок дней до глобальной зоны. Красин – ключ. Он всегда был ключом. Просто я не знал.
Лиза смотрела на него – долго, пристально.
– Вы понимаете, что это может быть ловушкой? Что он может ждать именно этого?
– Понимаю.
– И всё равно пойдёте?
– Да.
Пауза.
– Тогда я иду с вами, – сказала Лиза.
Андрей хотел возразить, но посмотрел в её глаза и передумал. Там было что-то – что-то
личное, что-то, о чём она не говорила.
– Почему? – спросил он.
– Потому что у меня тоже есть вопросы к Красину. – Она отвернулась. – Спите хотя бы
пару часов. Завтра будет длинный день.
Она вышла.
Андрей остался один.
На экране мерцало последнее сообщение Марины – обрыв, тире, пустота.
«Андрей, не верь Красину. Он —»
Он закрыл файл.
Завтра – Женева. Или Швейцария. Или где бы ни был Красин.
Завтра он получит ответы.
Или погибнет, пытаясь.
Андрей лёг на диван, закрыл глаза. Сон пришёл не сразу – мысли продолжали кружить,
как ионы в ловушке. Но усталость взяла своё.
Последним, что он увидел перед тем, как провалиться в темноту, было лицо Марины –
не застывшее, не покрытое инеем. Живое. Улыбающееся.
«Запоминаю», – шепнула она.
И он заснул.

Дневник Марины, День 1:

«Красин притащил новую аппаратуру. Говорит – модификация атомных часов. Но зачем
столько экранирования? От чего он защищает эксперимент – или нас от эксперимента?»

Первый день на станции, и уже что-то не так. Может, я параноик. Может, просто устала
от перелёта. Но что-то в его глазах, когда он говорит об этом оборудовании... Он смотрит на
него, как на... не знаю. Как на святыню? Как на бомбу?

Буду наблюдать. Буду записывать.
А пока – устраиваться. Комната маленькая, но уютная. Из иллюминатора видно Землю.
Андрей где-то там, внизу. Наверняка уже забыл поесть.
Идиот. Любимый идиот.
Спокойной ночи, дневник. Завтра – первый рабочий день. Посмотрим, что принесёт.»

Глава 4: Периметр

Дни 8-11

Сингапур встретил Лизу стеной влажного жара.

Она вышла из кондиционированного терминала аэропорта Чанги в три часа ночи по местному времени, и воздух обрушился на неё, как мокрое одеяло. После московского февраля – снега, серого неба, минус пятнадцати – тропическая ночь казалась галлюцинацией. Двадцать восемь градусов, влажность под девяносто процентов, запах цветов и выхлопных газов.

Машина ждала у выхода – чёрный внедорожник с затемнёнными стёклами и логотипом Международной группы реагирования на дверце. Водитель – молчаливый малаец средних лет – взял её сумку и открыл заднюю дверь.

– До периметра – сорок минут, – сказал он. – Пробок нет.

– Хорошо.

Лиза забралась в машину, откинулась на сиденье. Кондиционер работал на полную мощность, и она почувствовала, как по коже бегут мурашки от резкого перепада температур.

Она не спала двадцать шесть часов. Перелёт из Москвы – с пересадкой в Дубае – занял четырнадцать часов, и всё это время она читала файлы, которые Соколов переслал ей перед отъездом. Дневник его жены. Протоколы «Стабилизации». Всё, что они нашли в расшифрованном архиве.

Красин.

Это имя не давало ей покоя. Не из-за Соколова, не из-за его застывшей жены. По другой причине – той, о которой она не говорила никому.

Машина выехала на скоростную магистраль. За окном мелькали огни небоскрёбов – Сингапур никогда не спал, даже в три часа ночи. Но по мере того как они двигались на север, огонь становилось меньше. Пригороды. Промзоны. И наконец – темнота.

Зона.

Лиза увидела её раньше, чем ожидала. Не саму зону – её границу. Периметр из временных ограждений, прожекторов, патрульных вышек. Военные в полной экипировке. Учёные в белых комбинезонах. И – чуть в стороне – палаточный городок, над которым развевались флаги с изображением глаза.

Паломники Фонда.

– Приехали, – сказал водитель, останавливаясь у контрольно-пропускного пункта.

Лиза вышла из машины. Жар снова навалился, но теперь к нему примешивалось что-то ещё. Холод – не физический, метафорический. То самое ощущение «присутствия», о котором говорил Эстрада.

Она почувствовала его сразу. Как будто кто-то смотрел на неё из точки, которой не существовало.

– Доктор Чен?

Голос – низкий, с лёгким испанским акцентом. Эстрада. Он стоял у ворот КПП, в той же полевой куртке, что и в Москве, с планшетом в руках.

– Вы быстро добрались.

– Не спала.

– Вижу. – Он окинул её взглядом – не оценивающим, скорее профессиональным, как врач смотрит на пациента. – Идёмте. Покажу вам... всё.

Они прошли через КПП – биометрия, сканирование, проверка документов. За ограждением начиналась «сумеречная зона» – полоса шириной около ста метров, где ещё можно было находиться, но уже ощущалось влияние. Замедление. Вязкость воздуха. Странное чувство, что каждое движение требует чуть больше усилий, чем должно.

– Не подходите ближе пятидесяти метров к границе, – предупредил Эстрада. – Эффект нелинейный. На тридцати метрах – уже опасно.

– Я знаю.

– Знаете теоретически. Почувствовать – другое дело.

Они шли по бетонной дорожке, проложенной параллельно невидимой границе. Слева – прожекторы, техника, люди. Справа – темнота. И в этой темноте – силуэты.

Лиза остановилась.

Она знала, что увидит. Читала отчёты, смотрела фотографии, видела записи. Но одно дело – изображение на экране. Другое – реальность.

Восемьсот сорок семь человек. Застывших посреди обычного дня.

Ближе всего к периметру – группа офисных работников. Мужчины и женщины в деловых костюмах, с портфелями и сумками. Один держал телефон у уха – рот открыт, брови сдвинуты, выражение раздражения на лице. Он опаздывал на встречу? Ругался с кем-то? Теперь – вечность раздражения. Вечность несостоявшегося разговора.

Дальше – торговый центр. Сквозь стеклянные витрины видны покупатели, продавцы, манекены. Живые и неживые – одинаково неподвижные. На эскалаторе – женщина с ребёнком на руках. Ребёнок тянется к чему-то, рот открыт в смехе или плаче – отсюда не разобрать.

И над всем этим – иней. Серебристый, мерцающий, как первый заморозок на траве. Он покрывал всё: кожу, одежду, стекло, металл. Красивый – если не думать о том, что он означает.

– Первый раз? – спросил Эстрада.

– На периметре – да.

– Женева была другой?

Лиза не ответила. Женева была под землёй – туннель коллайдера, тридцать четыре человека в замкнутом пространстве. Это – открытый город. Восемьсот сорок семь человек посреди обычной жизни.

– Идёмте в лабораторию, – сказала она. – У нас работа.

Полевая лаборатория располагалась в модульном здании на краю периметра – стандартный военный комплекс, переоборудованный под научные нужды. Внутри – стерильная прохлада, гудение оборудования, запах антисептика.

Лиза переоделась в рабочий комбинезон, прошла дезинфекцию, получила личный набор инструментов. Всё – по протоколу. Всё – как в сотнях других лабораторий по всему миру.

И всё – абсолютно бесполезно.

Они изучали иней пять лет. Собирали образцы, анализировали структуру, пытались понять механизм. Результат? Ноль. Иней вёл себя как квантовая система – при любой попытке измерения он коллапсировал в обычную материю. Невозможно было даже определить его химический состав, потому что сам процесс определения его разрушал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.